

# Как править миром

**Автор:**

[Тибор Фишер](#)

Как править миром

Тибор Фишер

Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд

Бакстер Стоун – хронический неудачник. Режиссер и ветеран телестудий, он испытывает серьезные проблемы в выходящем из-под контроля Лондоне. Он не может вылезти из долгов после того, как его обманула страховая компания. Спецслужбы мешают ему жить. Дорогие иномарки действуют ему на нервы. Все это можно изменить, если снять прорывную документалку, которая принесет Бакстеру деньги и славу. Но удастся ли разом изменить судьбу, если весь мир против тебя? Один из главных британских сатириков современности возвращается с новым ошеломительным романом о сумасшедшей жизни телевизионщиков.

Содержит нецензурную брань!

Тибор Фишер

Как править миром

Моей крестной

Это предание зовется Джая. Его должен выслушать каждый, кто взыскует победы. Царь, выслушавший его, покорит целый мир и сокрушит всех врагов.

Тутинг, Лондон

Сентябрь

– Ты меня помнишь? – спрашивает мужик, топчущийся на крыльце.

На вид – мой ровесник. Старые полинявшие джинсы, коричневая футболка. Может быть, нищий. Может быть, миллиардер. Это Лондон. Миллиардер может делать что хочет. Миллиардер всегда прав, а все остальные – или все остальные, у кого нет миллиарда, то есть, по сути, практически все – не правы. Миллиардеры спокойно расхаживают по городу в выцветших драных футболках. Потому что могут себе позволить.

Но вряд ли ко мне придет миллиардер. И что-то в его интонациях явно указывает на прощелыгу из Южного Лондона, разъезжающего на «порше». Не на шикарном винтажном «порше», а на старом, убитом, насквозь проржавевшем «порше» без страховки; и двое его детей сидят, скорчившись в три погибели, на заднем сиденье, и весь пол усыпан записками от кредиторов с последними предупреждениями, и бак всегда заливается только наполовину, потому что на полный бак нет денег. Этот вид лондонских прощелыг теперь почти вымер под натиском литовцев, ютящихся в пятером в одной комнате, и одуревших от ката сомалийцев, принявших эстафету грабежей, воровства и злостных неплатежей на окраинах нашей многострадальной столицы.

Я говорю:

– Нет.

– Не помнишь?

Он улыбается, но как-то нехорошо, как будто я задолжал ему денег или не вернул взятую лет двадцать назад газонокосилку. Кто-то из школы? С работы?

Танжер? Олдершот? «Три волхва»? Нет, бесполезно. Я не помню этого мужика и, главное, не хочу вспоминать. Оно мне зачем?

– Нет.

Я просто хотел в последний раз заглянуть домой, прежде чем отдать ключи. Забрать последнюю коробку с вещами. Попрощаться. На минутку предаться добротной жалости к себе. Я не знаю, кто этот мужик, но приди он на десять минут позже, меня бы здесь уже не было.

– Посмотри хорошенько, – говорит он. – Точно не помнишь?

– Нет. – Меня всегда бесит, когда люди не понимают «нет». Нет. Простое, короткое слово. Если я говорю «нет», это и значит «нет». Что здесь непонятного? Заставляю себя добавить: – Извини.

– Совсем не помнишь?

– Нет.

– Ну ладно, – говорит он и отправляет меня в нокаут.

Бангкок

Октябрь

Мне здесь не нравится.

Частые путешествия сужают кругозор. Хочется остановиться в знакомом отеле в Бангкоке (или в Бейруте, или в Багдаде), потому что там очень хороший бассейн, или оттуда удобно добираться в аэропорт, или у них в мини-баре неплохой апельсиновый сок, или ты уже разобрался, как включается душ. Не приходится тратить время на поиски ресторана, где подают завтрак, не нужно выяснять, как добыть кофе (ты охотишься на официанта, или, наоборот, официанты охотятся

на тебя?), и какой выключатель действительно выключает лампочку у кровати.

Хочется понимать, как включается кондиционер, и знать все самые приличные блюда в меню обслуживания номеров. Все подобные мелочи, что делают путешествие максимально приятным. Очень не хочется тратить на них мыслительные ресурсы, которые пригодятся, если возникнут какие-то шероховатости. Я должен был сразу сообразить, что если мне не удалось поселиться в любимом бангкокском отеле, то без шероховатостей точно не обойдется.

Мне здесь не нравится. Уже два часа как не нравится, но меня заставляют ждать. Обычное дело. Все можно было решить еще два часа назад, но мне демонстрируют, кто тут главный, как будто и так непонятно. Я – обескураженный иностранец в полицейском участке, на неудобном стуле.

Тайцы – радушные, добрые люди, когда не пакостят. Когда не грабят, не врут в глаза и не усаживают тебя на неудобные стулья.

Я давал взятки полиции на четырех континентах и знаю, что главное – соблюсти этикет. Ошибиться легко: то даешь слишком мало, то слишком много (да, так тоже бывает); то даешь слишком открыто, то слишком робко; то слишком медлишь, то слишком спешишь. Почему бы не сделать памятку для туристов, чтобы человек не ломал себе голову? Хулахупы, сигареты, кожаная куртка (хорошая куртка) и, разумеется, наличные способны творить чудеса.

Входит начальник, шеф местного отделения. У него лицо человека, который запросто санкционирует массовую резню. Лицо человека, который ради забавы забивает щенков молотком.

– Называйте меня Майк, – говорит он.

Его зовут по-другому. Я вижу, на двери написано его имя. Длинное, как сколопендра. Он решил, и вполне обоснованно, что я, отсталый, невежественный фаранг, все равно не сумею произнести его имя правильно. Это вежливость. Или повод для драки. Выбирайте, что вам больше нравится.

– Ваш друг, он же ебанутый псих, – говорит Майк-Живодер, демонстрируя свои познания в ненормативном английском.

– Он не то чтобы мой друг...

– У всех нас есть психованный друг. Такова карма.

Майк явно задумался, стоит ли разъяснить, что такое карма, белому недоумку в моем лице.

– Вам нравится возиться с бумажками? – осведомляется он.

Я отвечаю «нет», рассудив, что такого ответа от меня и ждут.

– Мне тоже не нравится возиться с бумажками, но мне нравятся летние вечеринки в посольстве Великобритании. Вы сможете незамедлительно вывезти мистера Штерна из страны?

Мистер Штерн. Я уже и не помню, когда в последний раз слышал, чтобы его называли мистером Штерном. Вильгельм Штерн, Вилли – Бешеный Веган. Широко известный среди телевизионщиков как «этот псих», «псих бесноватый» или просто Семтекс. Наверное, самый скандальный в мире телеоператор. Сколько раз его увольняли с проектов, забирали в участок, депортировали и били по роже? Я давно потерял счет. Смогу ли я незамедлительно вывезти Семтекса из Таиланда?

– Да.

Я понимаю, что надо бы выпросить пару дней, чтобы закончить работу. Уладить дела. Это мой долг как продюсера и режиссера, как главной пробивной силы проекта: просить невозможного. Напирать. Выбивать. Прошибать стены лбом. Чудеса не случаются каждый день, но мое дело – просить. Раз за разом. Пока сам не забудешь, о чем просил. Если не будешь просить, то вообще ничего не получишь.

Но сейчас слишком жарко, и я слишком устал, чтобы о чем-то просить. Потому что такую стену не прошибешь, как ни бейся. Здесь мы имеем действительно невозможное. Не дозволенное творцом. Даже если бы я очень старался устроить столь грандиозный провал, то все равно не добился бы таких потрясающих результатов. Ибо возможности человека не безграничны.

К своему вящему ужасу, я понимаю, что не просто проигрываю битву, неся потери по всем фронтам. Я уже проиграл. Кто-нибудь, закопайте меня поглубже. Деньги и мед, слава и удовольствия суть стремления юности; с годами осознаешь, что тебе хочется только покоя. Хочется стать Отаном.

– И чтобы никаких безобразий по дороге в аэропорт, иначе вы оба отправитесь в тю-рь-му.

Мне не нравится, как он артикулирует «тюрьму». Все по-настоящему страшные люди, с которыми мне доводилось встречаться, были точно такими же, как этот Майк-Живодер: спокойные, безоружные, совершенно кошмарные. Небольшая поправка: самые страшные люди – на самой верхушке великого древа страха – они не спокойные, нет. Они вовсю веселятся. Это комедианты. Шуты. Главный чеченец, которого я так боялся, что чуть не хлопнулся в обморок при встрече с ним, был похож на деревенского дурачка и постоянно хихикал. Потому что это и вправду смешно. Очень смешно.

Все эти brutальные дядьки в шрамах, что угрюмо глядят исподлобья, изображая крутых мафиози, это так... мелкая сошка. Вроде близнецов Крэй, таких суровых на фото, а в тюрьме вмиг распустивших нюни.

– Спасибо, Майк.

Я старательно изображаю радушие на дружеских переговорах. Майк-Живодер как бы вскользь упоминает, что его кузен владеет лучшим в городе рестораном, специализирующимся на блюдах из морепродуктов. Я раздумываю, не сказать ли, что мой кузен – тоже большой человек в ресторанном бизнесе, причем тоже связанном с морепродуктами, но вроде бы все уже решено, и мне больше не нужно идти на сближение.

Он добавляет:

– Через месяц я буду в Лондоне. Я люблю дорогие рестораны.

Я даю ему свою визитку. Я давно понял, что если дать человеку визитку, он почти гарантированно исчезнет из твоей жизни уже навсегда, особенно если тебе очень нужно, чтобы он не исчезал. Но если Майк хочет, я отведу его в

ресторан. Потому что я сделаю все, чтобы угодить этому человеку. Это разумная тактика. Вопрос выживания.

Мы пожимаем друг другу руки. Рука у Майка тяжелая, крупная. Рука человека, привычного к физическому труду. Копать неглубокие могилы, к примеру. Или глубокие. Моя рука – поникший одуванчик, прихлопнутый автомобильной дверцей.

И еще я почему-то уверен, что дело не только в Семтексе. Тут явно замешан каламбак. Он же райское дерево. Он же агару. Алойное дерево, если вам больше нравится.

При других обстоятельствах я бы не стал привлекать Семтекса к этой работе. Потому что себе дороже. И по сути бессмысленно. Не просто бессмысленно, а крайне неосмотрительно, как сказал бы Херби.

Нынче нам, продюсерам и режиссерам, приходится чуть ли не самолично брать камеру в руки, но мне как-то спокойнее, когда есть крепкий тыл. Особенно на вражеской территории. Как-то спокойнее, когда есть оператор, способный справиться с любой неожиданной ситуацией. Я это понял в тот вечер в Ричмонде, когда совершенно случайно увидел, как один из ведущих министров правительства домогается известного артиста эстрады прямо на автостоянке. Это было давно, за много лет до того, как у всех появились смартфоны с камерой. Со мной был вполне грамотный оператор, но пока он расчехлял камеру и возился с настройками, все интересное уже закончилось. В таких ситуациях нужен кто-то вроде Семтекса, который врубает камеру в мгновение ока и умеет снимать даже с завязанными глазами.

Однажды так и было. Мы с Семтексом снимали парад французского Иностранного легиона (единственного подразделения французской армии, которое действительно принимает участие в боевых действиях, потому что там служат сплошные немцы).

– Ты, наверное, хочешь меня оскорбить, – заявил мне Семтекс. – Зачем я здесь? Зачем так со мной поступать? Толпа пиздюков, марширующих строем? Тут оператор не нужен, тут нужен штатив. Ты надо мной издеваешься, да? Я могу это снять даже с завязанными глазами.

Он так и сделал. Это была не лучшая его работа, но все равно лучше многих.

Похоже, лимит моего везения был исчерпан, когда Джо'н поручил мне снимать эту клятую документалку о каламбаке. Везение не бесконечно, и только дурак этого не понимает. Никто не получит всего. Никто и никогда. Может, кому-то достанется чуть больше, чем остальным. Но всего не получит никто. Проблема в том, что заранее не угадаешь, сколько везения еще осталось.

И есть еще репутация. Меня почему-то всегда посылают в горячие точки, в глухие дыры, где мрак, и ад, и опасно для жизни. Организованная преступность в неорганизованных государствах. Какой-нибудь город, где малолетние бандиты бродят по улицам, размахивая автоматами. Мятежи, революции, беспорядки. Все, как мы любим.

В свою первую заграничную командировку я отправился в качестве помощника оператора: январские события в Вильнюсе в 1991 году, когда Литва отделилась от СССР. Мне было велено исчезнуть с отснятым материалом, чтобы его не забрали суровые вооруженные дядьки. Я засел в баре Союза писателей, где изрядно укушался.

Ненавижу историю. Если только она не творится прямо у нас на глазах, но тогда это еще не совсем история. Я ненавижу историю, но роскошная брюнетка, возможно, вторая самая красивая женщина из встреченных мною в жизни, пригласила меня к себе обсудить историю Прибалтики. Мы все знаем, что это значит.

Или, может быть, она и вправду хотела поговорить со мной о нарушении границ и конвенций. Всякое в жизни бывает. Случались и более странные вещи. Однако мой мочевого пузырь чуть ли не лопался от добротного литовского пива. Так что сначала я пулей метнулся в сортир. Поскользнулся на темной лестнице и сломал руку. Пока я корчился от боли, кто-то сказал:

– Тебе еще повезло. Эти ступеньки убили больше народу, чем советские оккупанты.

Оператора, при котором я состоял помощником, застрелили на следующий день, когда я летел домой.

Так что получается в общей сложности? Мне везет? Не везет? Я задал этот вопрос дяде Джо, и он рассмеялся, как смеялся над всеми моими царапинами и шишками, потому что считал (и вполне обоснованно), что раз ты живой, так и нечего жаловаться.

Всем знакомым я говорил чистую правду: сломал руку, когда упал с лестницы. И только потом до меня дошло, что никто мне не верит.

– Да, мы слышали. – Именно так они и отвечали.

НДС есть всегда. Даже если он не обозначен на чеке. Налоги надо платить, и ты платишь. Платишь всегда. Я снимал Афганистан. И только чудом вернулся живым (что хоть кто-то вернулся оттуда живым, это уже настоящее чудо). Я был ранен, причем тяжело. Не пулей, не шрапнелью. Нет, тупой американский баран-журналист пролил горячий – кипящий! – кофе прямо на мое фамильное достояние. Честное слово, я предпочел бы малокалиберную пулю в ногу. Потом можно было бы хвалиться по пьяни и демонстрировать шрам.

\* \* \*

– Кто-то должен отснять каламбак, – сказал мне Джо'н по телефону. – Я хотел подрядить Эдисона, но он арестован. Джек тоже занят. Милли посеяла паспорт. Найти кого-то приличного в наше время практически нереально. Где таланты? Где одаренные режиссеры? Я не могу отправлять туда абы кого. У тебя есть кто-нибудь на примете, кто мог бы взяться за этот проект?

Давным-давно, в незапамятные времена, я бы, наверное, обиделся на такие слова, но с годами внутри все немеет. Отмирает чувствительность. А то я бы, конечно, обиделся, когда он позвонил, чтобы спросить у меня совета, а не предложить мне работу.

Давным-давно, в незапамятные времена, я бы обиделся, когда он рассмеялся на мое заявление, что я сам могу взяться за этот проект, но волей-неволей приходится развивать в себе невосприимчивость к смеху начальства. Это был ровно четвертый раз, когда я предложил свою кандидатуру и он согласился. Мой дар убеждения здесь ни при чем; просто была половина первого. Джо'н собирался обедать.

– Да, чуть не забыл. Бери, кого хочешь, но только не Семтекса, – добавил Джо'н. – Наши юристы категорически против.

– Я о нем даже не думал.

О каламбаке я слышал впервые. Но выбил себе работу: снять о нем документалку. Каламбака. Он же райское дерево, он же агару, он же алойное дерево, чья пропитанная смолой древесина ценится в определенных кругах дороже золота или чистейшего кокаина. В Азии ее применяют в качестве благовония и лекарственного сырья и употребляют в курительных смесях. Особой ценностью обладают участки ствола, пораженные грибом. Деревья заражают специально, чтобы они производили больше смолы. Добывать каламбака трудно, стоит он дорого, и торговцы им готовы на все: ложь, обман, воровство, даже убийство – лишь бы ни с кем не делиться.

Мы с Семтексом только-только вернулись из одного мутного пригорода Бангкока, где отсняли интервью с осведомителем, чьи доносы изрядно попортили нервы многим высокопоставленным тайским чиновникам и военным. Долгие месяцы подготовки, тщательные изыскания, деньги на организацию. Я не люблю интервью, в которых лица интервьюируемых размыты или затемнены, а голоса изменены маскиратором. С таким прикрытием можно сказать что угодно. Посади перед камерой соседа или даже родную мать, и пусть они представляются хоть Усамой бен Ладеном.

К подобным сюжетам я отношусь крайне скептически, потому что отлично знаю, какие обманщики и прохиндеи работают на телевидении. Я сам с ними работал. Нашему стукачу я поверил, потому что он был весь зеленый от страха и очень четко осознавал, что его могут крепко прижать за яйца. И зачем тогда было болтать языком перед камерой? Вот что меня поражает. Практически каждый готов вывернуться наизнанку, лишь бы попасть в телевизор, даже если его лицо будет размыто. Даже если потом его могут убить. Всем отчаянно хочется, чтобы их заметили.

Это было наше предпоследнее интервью; оставалось отснять еще только одно, ближе к вечеру. Так что у нас было время сходить пообедать. Если вы оскорбите Семтекса словесно или возьметесь его провоцировать традиционными способами, например выльете пиво ему на голову, он, скорее всего, лишь посмотрит на вас с тихой грустью, изобразив на лице благородную снисходительность. Но...

\* \* \*

Я сердечно прощаюсь с Майком-Живодером и устраиваю себе большой морепродуктовый пир в ресторане его кузена, каковой ресторан по счастливой случайности располагается в двух шагах от полицейского участка. Кормят здесь, вопреки ожиданиям, очень прилично. Мне нравится. Может быть, потому, что это, скорее всего, мой последний приезд в Бангкок. Вряд ли стоит рассчитывать, что теперь у меня будет работа, и вряд ли я стану расходовать на путешествия собственные сбережения. Прежде всего потому, что у меня нет никаких сбережений. Но даже если бы были, я бы не тратил их на путешествия. Так что это практически тайная вечеря. Последний ужин.

В молодости я немало поездил по миру. Путешествовал с одним рюкзаком и получал удовольствие. Великобритания, вдоль и поперек. Почти вся Европа. Китай. Япония. США. Теперь мне не хочется путешествовать. Теперь мне хочется большой дом где-нибудь, где тепло и много солнца, чтобы спокойно сидеть, редактировать свой Magnum opus и выходить на прогулки минут на двадцать, не больше. Друзья могут приезжать в гости.

Покончив с мясистым склизким осьминогом (который, конечно, напомнил мне Джима), возвращаюсь в участок и забираю Семтекса. Судя по виду, совесть его явно не мучает. Он смотрит на меня волком (восемьдесят процентов угрюмости, десять процентов злости, восемь процентов недоумения, два процента якобы искреннего раскаяния), как будто это я виноват, что он угодил в полицейский застенок.

В гробовом молчании мы собираем вещи (то, что осталось от них в отеле), вызываем такси, едем в аэропорт.

– Я все это учту, когда буду выставлять счет, – только и говорит Семтекс.

Мне уже все равно. Как понять разницу между апатией, полной бесчувственностью и дзенем? Или, может быть, дзен – это просто апатия класса люкс? Апатия с хорошим пиаром?

Честное слово, Семтекса трудно вывести из себя, если нарочно пытаться его разозлить. Но я лично и неоднократно оттаскивал рассвирепевшего Семтекса от

таксистов и официантов, имевших неосторожность обратиться к нему с провокационными фразами вроде «Добрый вечер» или «Вам подсказать?». Эдисон задолжал ему гонорар за две недели работы (и насколько я знаю, не выплатил до сих пор), и мы все ждали, когда Семтекс психанет и сломает Эдисону нос. Ждали, но так и не дождались. Нет, вся бурлящая ярость Семтекса изливается на несчастных работников общепита, тем более в большинстве заведений категорически не понимают вегетарианцев, не говоря уже о веганах. Я помню, как в Сеуле Семтекс укусил официанта, когда тот предложил ему вареные яйца.

И чтобы уже окончательно стало ясно, как трепетно Семтекс относится к своим пищевым предпочтениям: у него есть привычка менять названия блюд в меню ресторанов, где подают мясо. Обычно он просто вписывает свой вариант от руки, но иногда заморачивается и заказывает в типографии мелкий тираж альтернативных меню, которые потом потихоньку подкидывает в ресторан.

Зверски замученный ягненок под сладким соусом. Медленно умерший от удушения лебедь с итальянскими травами. Свиные биточки из разбитых надежд по-моавски. Заживо сваренные котята с местной помойки.

Ему нравится наблюдать, как негодуют клиенты и как временно безработные актеры морщат лоб, тщась объяснить, что такое Моав.

Раньше Семтекс жил в Брайтоне, но когда его перестали пускать почти во все тамошние рестораны – за драки, скандалы и порчу меню, – переехал в Хитроу. Он говорит, что так даже удобнее: два шага до аэропорта, а шум ему не мешает. Если не надо тащить с собой гору аппаратуры, он за двадцать минут доходит пешком до главного терминала.

С его кулаками не понаслышке знакомы не только скромные официанты; Семтекс не признает никаких авторитетов.

– Да мне плевать, что ты начальник полиции всего Манчестера, я все равно тебе врежу, – объявил он и тут же исполнил свою угрозу. Перед камерой, в самом разгаре интервью.

Теперь вам понятно, почему нынче его не слишком охотно привлекают к работе и почему он частенько вообще недоступен для съемок в течение нескольких

месяцев кряду.

До посадки в самолет еще два часа, которые надо как-то убить. Чтобы не тяготиться молчанием, Семтекс решает пройтись по магазинам в зоне вылета. Я уже купил подарки семейству: жене – дольки сушеного дуриана, сыну – баночку тайского лонганового меда. Люк любит на завтрак тосты с медом.

Делай покупки при первой возможности. В армии я прослужил недолго, но этот урок усвоил. Закупайся, когда есть возможность, потому что потом ее может не быть. У меня нет настроения читать газеты; я стою, тупо глядя в пространство, и пытаюсь решить, есть ли смысл напрягать мозг, измышляя, как можно поправить практически непоправимую ситуацию.

Шумная чисто мужская компания из четырех человек толчется поблизости, и как только я понимаю, что они англичане, потихонечку отхожу в другой конец зала. Разумеется, они идут следом. В каждой нации есть свои горлопаны, чьи мозги изначально не приспособлены к мыслительной деятельности, но нет ничего хуже англичан на мальчишнике. Разве что англичане на мальчишнике за границей. Я опять отхожу в другой конец зала, но все равно слышу их вопли. Когда-то мы привнесли в мир пунктуальность, инженерное дело и дипломатию канонеров, сейчас привносим оголенные задницы, силиконовые сиськи и громкий ор.

Один из этой четверки, в футболке с надписью: «Давайте не тратить жизнь на слова и чувства», держится за член. Это не быстрая проверка, все ли в порядке с хозяйством, не демонстративный почес мудей. Он вцепился в свой член, словно в выигрышный лотерейный билет. Ему под тридцать, он не пьян, он стоит посреди людного аэропорта и тербит писюн, как двухлетний ребенок. Зачем он здесь, в моем аэропорту? Зачем он здесь, на моей планете?

Чтобы убедиться, что я не слишком категоричен в суждениях, мысленно засекаю время. Может быть, я к нему несправедлив. Может быть, у человека в трусах неполадки, требующие экстренного вмешательства. Я считаю до двадцати, а он по-прежнему сжимает свое сокровище, словно сражаясь с упрямым тюбиком зубной пасты. Я достаточно пожил на свете и помню те благословенные времена, когда довольно высокие цены на пассажирские авиаперевозки служили надежным препятствием для перемещения идиотов по миру.

Наконец член оставлен в покое. Теперь его обладатель ковыряется в заднице, попутно обсуждая с друзьями покупку лосьона после бритья. Вызывает тревогу, что он хватает с витрины флакон той же марки, которой я сам постоянно пользуюсь. Если он его купит, я уже никогда не смогу пользоваться любимым лосьоном. К счастью, он ставит флакон на место. Мне нравится этот лосьон, моей жене нравится этот лосьон, хотя, конечно, жена не знает, почему я предпочитаю его всем другим. И хорошо, что не знает.

Дебил, ковыряющийся в жопе, кажется мне знакомым. Сначала я думал, что это обычный обман восприятия: все недоумки на одно лицо, – но я его знаю.

Я узнаю эти брови домиком. Учитель Люка. В жизни нам постоянно встречаются люди, считающие своим долгом вешать лапшу нам на уши. Эту практически нескончаемую процессию возглавляют учителя. Сначала учителя, потом сослуживцы, врачи, продавцы-консультанты, инструкторы по парусному спорту, страховые агенты, тренеры по плаванию, сотрудники банков, сантехники, автомеханики, процедурные сестры в ЛОР-кабинете, почтальоны, работники службы озеленения и благоустройства, приемщицы в химчистке, которые вечно тебя отфутболивают, и под конец все опять возвращается к учителям. Тебе на уши вешают разваренную лапшу о твоём сыне, и ты понимаешь, как скептически хмыкали твои собственные родители, когда им так же рассказывали о тебе.

На каждом родительском собрании нам радостно сообщают, что у наших детей все прекрасно. Дешевый, но эффективный прием: говори людям то, что они хотят услышать.

Чему мы учим своих детей? Наверное, каждому хочется, чтобы его дети выросли честными, доброжелательными и отзывчивыми, хотя эти качества только мешают жить. Дозволитель, отец наш небесный, не благоволит к порядочным людям.

Лучшая тактика выживания: лгать, обманывать и идти по головам ближних. Если ты пунктуальный, ты ждешь опоздавших. Если верный, тебя предадут. Если щедрый, тебя облапошат. Помогашь другим – тебе сядут на шею и отплатят черной неблагодарностью. Много работаешь – будешь вечно уставшим. Не воруеть – станешь прозябать в бедности. Но своим детям мы этого не пожелаем.

Каждому хочется, чтобы его сын вырос порядочным человеком, верным другом, защитником слабых, безотказным помощником для соседских старушек, но эти качества нынче не стоят и ломаного гроша. Чтобы нравиться людям, чтобы быть популярным, чтобы тебя уважали, они не нужны, а иногда и вовсе противопоказаны. Я думаю, что решение тут одно: относиться по-человечески к родным и друзьям (хотя с друзьями все сложно) и объявить войну всем остальным.

Каждому хочется, чтобы его сын был счастливым, но не был при этом изнеженным маменькиным сынком, который гладко скользит по жизни, не встречая препятствий. Трудности закаляют мужчину. Пусть он узрит тьму. Одного раза достаточно. В контролируемой ситуации и без лишней чернухи. Строго дозированная, разумная порция жизненных невзгод. Люди, не битые жизнью и не хлебнувшие дерьма большой ложкой, лично мне кажутся неинтересными.

Я окончательно выдохся. Силы иссякли, боевой пыл угас. Пытаюсь приободрить себя мыслью о Бонго Хермане, который всегда оставался бойцом, но как-то безуспешно. На соседнем сиденье валяется забытый кем-то El Pais. Я и раньше-то не особенно хорошо знал испанский, а теперь так и вовсе почти забыл, но я все равно забираю журнал. Я бы не удивился, если, открыв газету, увидел большой заголовок, сообщающий о сборе подписей под международной петицией с требованием моей публичной казни.

Проект с каламбаком накрылся, я сижу в аэропорту в окружении опасных для общества психов и прилюдно чешущих жопу дебилов, наставляющих наше юношество, и вдобавок ко всем прочим радостям Херби мертв. Хочется лечь на землю и свернуться калачиком.

В El Pais есть статья о древнем храмовом комплексе Гебекли-Тепе в Турции. Если я правильно понимаю, этот Гебекли-Тепе даже древнее Стоунхенджа, который, как я всегда думал, был построен еще в те времена, когда люди уже не дубасили всех и вся бедренными костями саблезубых тигров, но еще помнили, как это было. Однако Гебекли-Тепе намного древнее Стоунхенджа. Древнее всего, созданного человеком, за исключением наскальных рисунков пещерных людей.

В статье написано, что это самая важная археологическая находка за всю историю. Теперь придется вносить изменения в учебники.

Обожаю, когда на голову знатокам нахлобучивают дурацкий колпак. В Гебекли-Тепе обнаружены высоченные каменные колонны, мегамегалиты, не одну тысячу лет пролежавшие под землей, пока какой-то курдский пастух не наткнулся на странные камни, торчавшие из холма в чистом поле, и ушлый немец не начал раскопки. Возможно, это и есть Эдем, райский сад. Потому что, согласно Библии, райский сад располагался между Евфратом и Тигром.

Почему я об этом не знал? Почему о таких интересных вещах не пишут в британских газетах? Почему в наших газетах пишут только о задницах барышень из Эссекса или Лос-Анджелеса? И если Гебекли-Тепе – это действительно райский сад, то почему его погребли под землей? Потому что его не забросили в небрежении, он не ушел в землю сам, зарастая травой. Его закопали специально, а сверху еще аккуратненько притоптали. Вопрос: кто? И зачем?

Удивительно, что цивилизация вообще появилась. В ней же нет никакой исторической необходимости. Зачем нам было слезать с деревьев? Гориллы очень даже неплохо себя ощущают. А мы пашем, как проклятые, строя вот эту самую цивилизацию.

Гебекли-Тепе – действительно выдающееся сооружение, но, по-моему, не стоит придавать слишком большое значение камням. Почему мы так благоговеем перед древними цивилизациями, будто они что-то знали? Владели великой тайной бытия. Некой высшей и всеобъемлющей истиной. Нет, ни хрена они не знали. Потому и исчезли. Если они были такие умные, то почему их больше нет? Если им были ведомы тайны Вселенной, то почему они – пыль под моим сапогом? Я замечаю, что произношу это вслух: «Ни хрена они не знали».

Смотрю фотографии Гебекли-Тепе. Надо сказать, я немного разочарован. Как это бывает, когда встречаешь своего кумира в обычной жизни. Т-образные каменные плиты попарно. Возможно, мужчина и женщина. Или нет. На этих плитах и на плитах, которые окружают их кольцом, присутствуют резные изображения животных, которые могут быть кем угодно. Кабаны? Лисы? Ящерицы? Грифы? Они могут быть кем угодно и значить практически все, что угодно. Что ты захочешь, то и будут значить.

Да, в Гебекли есть своя прелесть, потому что люди заворожены стариной, потому что считают, что существует некая древняя мудрость. Проблема в том,

что лицезрение каменных плит – не лучшая развлекательная программа.

– Это все ты виноват. – Семтекс возвращается с двумя пакетами, набитыми какими-то кустарными изделиями горных племен. Изготовленными с высочайшего королевского одобрения. Король в Таиланде – реально большая шишка, а на втором месте стоят военные.

– Да, – говорю, – только я.

– Именно ты, – с нажимом произносит Семтекс, принимая мое смиренное согласие за сарказм.

Но моя вина и вправду есть. В профессии оператора – много минусов: приходится лазить по канализационным коллекторам, забиваться в какие-то мрачные щели, висеть, высунувшись по пояс из окна поезда на полном ходу, – но вся ответственность за съемочный процесс лежит на режиссере.

В ресторане я должен был сразу спросить официанта, какое блюдо у них готовится быстрее всего, чтобы мы молниеносно поели и вернулись к работе, и через двадцать минут ожидания именно я должен был строго осведомиться, где наш заказ. День не задался еще с утра. Наш первый интервьюируемый вообще не явился на встречу. Второй не говорил по-английски, хотя сам был уверен, что говорит вполне бегло. Люди есть люди, и тут ничего не поделаешь. Потом наш стукач по каламбаку переживал, что его лицо недостаточно затемнено, хотя сидел спиной к камере.

Чем хороши мой цинизм («Бакс, почему ты такой циничный?») и мой пессимизм («Бакс, зачем быть таким пессимистом?»): это отличное подспорье в организации съемочного процесса. Я заранее настраиваюсь на то, что не все пойдет гладко. Поэтому я подстилаю соломку, вбиваю скобы, креплю ремни и для верности обматываю изолентой. Я проверяю все трижды. Раздаю всем причастным подробные карты, предельно четкие указания и номера телефонов. Со своей стороны делаю все возможное. Но есть человеческий фактор. Он от тебя не зависит. Как ни бейся, его не обойти. Трындец поджидает тебя, попивая кофе.

Контент, сиречь содержательное наполнение – это только моя забота. Пришел интервьюируемый, не пришел – Семтексу все равно начислят гонорар. На

съемках мы с Семтексом не раз просиживали в ресторанах по часу и больше, дожидаясь, когда принесут заказ, хотя очень доходчиво объясняли, что сильно торопимся, и обещали немалые чаевые.

Но в этот раз Семтекс сорвался уже через двадцать минут: влетел в кухню бешеным вихрем с воплем «Я заказывал простейшее овощное рагу», расколошматил какие-то антикварные глиняные кастрюльки, отпихнул двух возмущившихся официантов и еще одного укусил, что вообще вегану не подобает. После чего кто-то из поваров вырубил его ударом в челюсть.

В мире есть города, где в случае крайней необходимости еще можно затеять драку: Айова-Сити, Брауншвейг, любой город во Франции (французов так просто побить, что это наскучило даже немцам). Но Бангкок к ним не относится. Да и Семтекс уже не молод. Когда тебе сорок, рефлексy не те. В любой драке главное – скорость. Скорость, скорость и еще раз скорость. Неважно, насколько технично ты бьешь. И сколько раз ты способен отжаться, и настроен ли ты применить запрещенные приемы. Скорость решает всё.

Тайский повар уложил Семтекса без всяких усилий: его центр тяжести был расположен идеально. Сразу видно, что человек хорош в драке. Он даже не сдвинулся с места, просто дождался, когда Семтекс сам войдет в зону удара. Бац. Я даже не видел, как он ударил. Все случилось так быстро. И обратно к своей лапше, как ни в чем не бывало.

Семтекс отделался легким испугом: незначительное сотрясение мозга и ночь в кутузке. Но наш фильм накрылся тем самым местом, потому что пока я умасливал полицейских, у нас украли все рабочие материалы, оставшиеся в отеле. Все интервью, запись беседы с осведомителем, камеру. Очень удачная кража для барыг, промышляющих каламбаком. Удачнее и не придумаешь. Переснять не получилось бы при всем желании. Мы и так-то с трудом уложились в бюджет, да и наш бравый стукач наверняка уже прячется где-то в болотах в пограничном районе.

Это только моя вина, потому что я нанял Семтекса, несмотря на все доводы против. Проще, дешевле и лучше для дела было бы взять кого-то из местных. Я снова рискнул и опять проиграл. Небольшая поправка: риск – благородное дело, каковым занимаются дерзновенные авантюристы, солдаты удачи и те прекрасные люди, кому сам черт не брат. А я попросту облажался. В который раз.

– Если бы мы делали Роджера Краба, нас бы сейчас здесь не было, – сердито ворчит Семтекс.

– Нас бы здесь не было, да.

Он никогда не простит мне Отшельника из Аксбриджа: Роджера Краба, пожирателя щавеля, кумира веганов, возможно, самого неприятного человека за весь семнадцатый век. Отшельник, да. Главным образом потому, что его ненавидели домочадцы, соседи и вообще всякий, кто с ним контактировал. Он был приговорен к смертной казни во время Гражданской войны, и что характерно, приговор вынесла не враждующая сторона.

Тут дело такое. Как говорится, каждому свое. Семтекс – выдающийся оператор, но он совершенно не представляет себе, из чего получается хороший документальный фильм. К тому же у него напрочь отсутствуют навыки лизоблюдства и мухлежа, необходимые для выбивания денег под проект. Он годами выносит мне мозг, уговаривая сделать фильм о Роджере Крабе. Проблема в том, что в любом мало-мальски пристойном фильме должен быть хоть какой-то визуальный ряд, а панорамные виды главной улицы Аксбриджа и лубочная картинка с изображением Краба на визуальный ряд явно не тянут. Да и что, собственно, можно сказать о Крабе, кроме того, что он был свирепым, донельзя занудным веганом и все его ненавидели? Семтекс постоянно заводит о нем разговор, и каждый раз я отвечаю, что надо подумать.

– А ты правда их всех убил? – спрашивает Семтекс громким голосом, разносящимся по всему зданию аэропорта.

– Я не хочу об этом говорить.

Потому что действительно не хочу.

– Так что там у вас приключилось? – Голос Семтекса по-прежнему гроыхает на полную мощность. – Когда ты их убил?

– Я не хочу об этом говорить. И не пытайся нарочно меня бесить. Ты меня и так бесишь.

– Я все учту, когда буду выставлять счет. Это в последний раз, Бакс. Отныне я больше с тобой не работаю. Ты – ходячая катастрофа, магнит для несчастий.

Больше мы не говорим друг другу ни слова, не считая прощального «пока» в Хитроу. Еще пять лет назад моя ярость могла бы испепелить гиппопотама средних размеров прямо в воде, но с возрастом понимаешь, что если твоя вспышка ярости не принесет никаких дивидендов, то какой смысл напрягаться? Стоишь, как дурак, наливаешься краской, и все равно ничего не меняется. Семтекс запорол весь проект, весь каламбак.

Но я его нанял. У Семтекса наметанный глаз. Когда он берется за камеру, им не надо руководить. Да и невозможно руководить, если честно. Семтекс совершенно неуправляем, но когда он снимает уличные беспорядки или любое внеплановое происшествие, впечатление такое, что это снято одновременно с четырех камер. Есть и другие отличные операторы, которые могут сравниться с Семтексом, но им надо все объяснять, надо разжевывать все заранее; им приходится попотеть, они будут возиться весь день. Вывернутся наизнанку, а потом им потребуется долгий отпуск, чтобы восстановить силы.

То, что Семтекс снял в Ираке, – лучшие документальные кадры из всех, что я видел. Кажется, будто пули летят прямо в камеру, грохот стрельбы такой громкий, что не слышно, как я тихонько икаю, стоя у него за плечом. То ли икаю, то ли давлюсь. В общем, издаю звуки, которые издает человек, когда думает, что пришла его смерть. Семтекс снимает такое играючи. И у него есть моральные убеждения, что вообще-то работникам телевидения не свойственно.

Когда мы освещали массовые протесты в Сиэтле, Семтекс положил камеру на асфальт. Положил бережно и аккуратно, как сделал бы каждый истинный оператор. Он положил камеру, чтобы ударить полицейского, который избивал женщину, лежавшую на земле, и даже успел врезать ему пару раз, пока не подоспели другие полицейские и не побили его самого. На следующий день я его не узнал. Если вы видели человека, избитого в мясо, то должны знать, что он выглядит совершенно ненастоящим.

Он выглядит так, словно его обработали в графике со спецэффектами. Если бы я не знал, что передо мной Семтекс, то в этой багровой тыкве его не признал. Иногда я задумываюсь, что, возможно, именно побои в Сиэтле и повлияли на его психику, и без того не особо устойчивую. Семтекс – лучший телеоператор из всех, но, к несчастью, уже не осталось почти никого, кто способен оценить его

талант. Или готов с ним работать.

Так почему же я его нанял? Если ты привлекаешь к работе опасного психа, стоит ли удивляться, что он ведет себя как опасный псих? Мистер Ги Брис. Позвольте представить вам мистера Ги Бриса, как сказал бы Херби. Несколько лет я был уверен, что это какой-то замысловатый рифмованный сленг – или, может, и вправду существовал некий мистер Брис, высокомерный, заносчивый долбоклюй, – пока не наткнулся на слово «гибрис» в словаре. Это все от гордыни. Я думал, что справлюсь лучше других режиссеров. Что с моим-то опытом и умом смогу укротить неукротимого Семтекса. Смогу им управлять.

\* \* \*

Лондон – серый город и становится еще серее, когда возвращаешься из большинства других стран. Будь у нас солнечно, это был бы лучший город на свете, но тут почти не бывает солнца. Столько туч, сколько в Лондоне, я не видел больше нигде. Здешнее небо как тяжелая серая крышка, придавившая мир.

Возвращаюсь домой в час ночи. Вот он, мой дом. Небольшая поправка: дом не то чтобы мой. Я им не владею, просто я здесь живу. Стою перед дверью и размышляю, что там, за дверью – два человеческих существа, которым не все равно, приду ли я домой. Многие возвращаются в дом, где их никто не ждет. А меня все-таки ждут. Это не так уж и много на самом деле. Но, может быть, это единственное, на что может надеяться человек. Что где-то есть дверь, за которой его кто-то ждет. Необязательно с энтузиазмом. Эллен спит чутко и воспримет мое возвращение в столь поздний час как намеренное оскорбление.

А Херби мертв. Уже пять лет как мертв.

Я всегда восхищался Херби и смотрел на него снизу вверх. Ведь именно Херби устроил меня на мою первую работу. Но особенно мне запомнилось, как я смотрел на него снизу вверх у казино «Ритц». Я смотрел на него снизу вверх, потому что стоял на четвереньках на тротуаре. Это был примечательный вечер. Вечер после двух суток беспробудного пьянства, в результате чего мне пришлось выползть из казино на карачках.

Херби уселся за стол с рулеткой и поставил последние деньги на zero. Двести фунтов.

– Оба-на, – сказал он, когда выпало zero. – Может быть, это последний мой приступ везения.

Следующие двое суток мы провели в казино, забыв о времени и о мире. Пропивали наш выигрыш, изобретали новые коктейли и заводили знакомства: с американским баскетболистом-авантюристом, с уругвайским дизайнером солнечных часов, с самым успешным в Британии вооруженным грабителем, с бывшим коллегой Владимира Путина, который рассказывал, что Путин на самом деле тупой, и у него плохо пахнет изо рта, и он, по сути, марионетка в руках крупных сырьевых корпораций.

Там, на тротуаре у «Ритца», я смотрел на Херби снизу вверх, потому что он начинал на Флит-стрит и поэтому был почти трезв и умудрялся не только стоять на ногах, но и вполне убедительно ими передвигать.

– Наша задача: трансформировать время в историю, – возвестил он.

Понятия не имею, почему он так сказал.

Уже брезжил рассвет, и Херби выглядел героически и весомо, когда произнес эту фразу. Хотя в тот момент меня больше всего занимали отменные качества мостовой рядом с «Ритцем» – она была на удивление уютной и мягкой, – я ответил, памятуя о задуманной мною документалке о Жиле де Рэ:

– Нет, наша задача: вытащить из истории время.

После чего выполз на дорогу, чтобы поймать такси и поехать домой.

Эти мгновения у «Ритца» я вспоминал на похоронах Херби. Похороны предназначены для того, чтобы нами манипулировать. Гимны, музыка, проникновенные слова. Профессионалы, знающие свое дело, изливают на нас печаль вкупе со скорбными размышлениями о бренности бытия – на случай, если кому-то из нас недостаточно плохо и так.

Когда звучали надгробные речи, когда в динамиках гремел Бах, мне хотелось заплакать, но я держался. Я сломался, когда включили запись, как девятилетний сын Херби играет на флейте «Зеленые рукава». Он очень старался, но все равно играл плохо, и я сломался. Потому что девятилетний парнишка остался без отца. Вселенская несправедливость вонзилась мне в сердце, как нож, вместе с мыслью, что все человеческие старания ничего не изменят.

Естественно, эгоистичная жалость к себе тоже имела место. Я горевал о Херби, который лишился жизни, но ведь и я лишился Херби. Друга. Наставника. Поводыря.

– Не горюй слишком сильно, когда что-то теряешь, – частенько говаривал Херби. – Ведь что это значит? Это значит, оно у тебя было. Пусть недолго, но было.

В тот день его дельный совет не помог.

Когда я помогал разбираться в делах Херби, достаточно часто виделся с его сыном. Я навел порядок в крошечной квартирке Херби, освободил ее от вещей, которых там было всего ничего. К тому же в день похорон квартиру ограбили. Воры забрали сейф, лишний раз подтвердив (если кому-то нужны подтверждения) древнюю мудрость, что ничто в этом мире не гарантирует безопасности. Вряд ли в украденном сейфе были какие-то ценности, но мне, если честно, хотелось бы заглянуть за кулисы; в каком-то смысле, заглянуть Херби в голову. Херби, взгляд изнутри. И в сейфе могли быть какие-то симпатичные фамильные вещицы, на память сыну. Стильные запонки, например, или старинная перьевая ручка.

Да, я делал все, что положено. Пару раз водил сына Херби в кафе-мороженое и на футбол. И что с того?

Я думаю о Херби и иногда прихожу к мысли, что мне всегда везло больше, чем я заслуживал. Однажды в меня стреляли, я ломал себе пальцы, у меня был серьезный ожог гениталий, обширное пищевое отравление, малярия, амебная дизентерия. Но я живой и вполне дееспособный. У меня нет денег. Зато есть семья. Может, уже не следует просить о большем? Но это было бы слишком просто. А все простое кажется подозрительным.

## Праздничный корпоратив

Ноябрь

Мне здесь не нравится.

И дело даже не в том, что мне совершенно не интересна эта корпоративная вечеринка, просто она проходит все в той же комнате, и люди все те же, и я стою в том же самом углу, седьмой год подряд. Жопы как она есть. Не просто жопа, а наихудший вид жопы: все то же, все те же.

Даже арахис и чипсы в тех же самых вазочках вполне могут быть те же самые. Не распускай соплю, сказал бы Семтекс. Если что-то тебе не нравится, предприми что-нибудь по этому поводу. Или заткнись. Восхищаюсь таким подходом. Аплодирую стоя. Я пытался что-нибудь сделать. Ежедневно. Из года в год. Я приложил массу усилий, и все впустую. Воз не только и ныне там, он уже врос колесами в землю.

Единственное, что можно сделать, когда волей-неволей приходится находиться в одном помещении с людьми, которые тебе неприятны: самоустраниться от умных бесед. Я молча стою рядом с чипсами и арахисом, тихо угощаюсь и размышляю о том, что когда-то на праздничных корпоративах были суши и прочие деликатесы, а теперь только арахис и чипсы, и плевать, если кто-то заметит, что я жру и молчу.

– С Рождеством, – говорит Джо’н, входя в комнату.

Произносится Джон, пишется Джо’н. Он добавил апостроф не просто так. На то есть причины. Причины важные, высокоинтеллектуальные, политические, экологические и духовные. Джо’н подробно расписывает у себя в блоге, почему он модифицировал свое имя. Ссылается на многочисленных рэперов, панк-музыкантов и андеграундных граффитчиков. Культурная вселенная Джо’на вмещает в себя примерно десять часов музыки и дюжину фильмов (которые явно не выдают в нем синефила с хорошим вкусом). Да, и еще парочку книжек для украшения журнального столика – книжек с картинками на весь разворот и почти без текста. Если Джо’н что-то читает, то исключительно татуировки на

спинах юных прелестниц, когда пялит их раком.

Если его имя напишут неправильно, Джо'н будет рвать и метать, как будто он не единственный на всей планете Джон с апострофом. Я никогда не читал его блог и не буду читать, потому что боюсь, что сорвусь, не смогу обуздать ярость и все-таки его убью.

Джо'на встречает хор приветственных возгласов, в диапазоне от притворно сердечных до расчетливо прохладных, если кому-то не хочется подхалимничать слишком явно. Тем более в присутствии других подхалимов.

Если Дозволитель, отец наш Небесный, явится мне и скажет: «Бакстер, я много лет обходился с тобой по-свински, так что с меня причитается. Выбирай, что тебе больше хочется: гору чистого золота или лицензию на отстрел Джо'на на условиях полной и безоговорочной безнаказанности», – я знаю, что выберу. У меня есть семья. Но все равно задумаюсь лишь на минуту.

– Встретим Рождество в приятной компании, – продолжает Джо'н. Сейчас только ноябрь, но в декабре директора телеканалов в принципе не способны хоть что-то делать, даже устраивать вечеринки. – Вы мои любимые режиссеры.

Если он пытается завоевать наше расположение, то это заведомодохлый номер. Как бы он ни старался, ничто не изменит того факта, что гости искренне желают ему сдохнуть. Циклон Энни и Эдисон прибили бы его в одну секунду, хотя Энни наверняка не преминула бы сначала помучить. Даже Джек-Список, так упоенно довольный собой, что он жертвует деньги приютам для бездомных животных и переводит старушек через дорогу, запросто облил бы Джо'на бензином и поднес огонек. Если бы знал, что ему ничего за это не будет.

– У меня хорошие новости, – объявляет Джо'н. Все присутствующие внутренне напрягаются. Новости Джо'на бывают двух видов: либо плохие, либо не новости. – У меня есть деньги. Большие деньги.

Это что, шутка? Откровенная ложь? Может быть, самообман? Даже если в его словах есть доля правды, то какие безумные испытания уготовил нам Джо'н прежде, чем нас допустят до... денег? Не слишком ли я разволновался? Я все боюсь, что не смогу скрыть отчаяние. Когда ты сломлен и загнан в угол, это не так страшно, пока о твоём состоянии не знают другие.

– Соответствующее уведомление будет разослано всем в надлежащее время, но я хочу, чтобы вы знали. Нам привалили большие деньги.

Деньги. Мы уже думали, что никогда больше их не увидим.

– Можешь прямо сейчас выписать мне чек, – говорит Эдисон.

Он вполне ожидаемо выступил первым. Вот и славно; пока Эдисон болтает, у меня будет время составить план. Может быть, даже сплести интригу. Но одно ясно наверняка: прямо сейчас Джо'н не будет раздавать слонов. Кроме того, что он в принципе не способен принимать самостоятельные решения, он просто из вредности будет мурыжить нас несколько месяцев, чтобы мы всласть настрадались.

Проблема в том, что пирога не хватает на всех. Потому что нас слишком много. Потому что технический прогресс подложил нам свинью. Потому что история нас бортанула. Потому что университеты выпускают новоиспеченных специалистов, которые вообще ни хрена не знают, но умеют включать камеру. Потому что теперь всякий двенадцатилетний оболтус с камерой в телефоне может сделать все то же, что делаем мы. Потому что в Сети все бесплатно.

Уже когда я начинал работать на телике, разбогатеть удавалось не всякому. Разве что считаным единицам. Но это было, как говорят в Аддис-Абебе, нев-jiben-но удобно и круто: халява и плюшки, контрамарки, бесплатная выпивка и закуска для работников эфира, готовые на все шикарные телки, песни, пляски и прочие радости жизни. У нас была страховочная сетка на случай, чтобы ты не разбился, если заporешь тройное сальто.

Девяностые. Большая часть нулевых. Ты имел почти все, что хотел. Ты был крут. Ты путешествовал по всему миру. У тебя в запасе всегда были истории, гарантированно привлекавшие юных прелестниц в твою постель и поражавшие воображение гостей на званных обедах: о камере смертников, или о ванной комнате какой-нибудь знаменитости, или о том, что ты видел в ящике письменного стола большой политической шишки, или как пил шампанское с кровавым диктатором (всего один бокал; они те еще скопидомы, эти диктаторы). Ты был нев-jiben-но востребован на любом светском рауте.

На прошлой неделе Циклон Энни видели в супермаркете в Виллесдене, где она расставляла товары по полкам. Это не журналистское расследование, не секретное задание под прикрытием – она действительно подрабатывает за гроши, расставляя по полкам зубную пасту. Единственное, что меня удивило, когда я об этом узнал, как ей вообще удалось устроиться на работу.

Давным-давно, в незапамятные времена, она была искренне убеждена, что ее документальные программы будут свергать правительства и приводить правительства к власти. Когда стало ясно, что реальность не соответствует ожиданиям, она принялась вразумлять народ. В свое время ее серьезные аналитические программы обращали на себя внимание людей образованных и просвещенных. Теперь она раскладывает товары по полкам, а я потерял дом.

Джо'н подходит угоститься арахисом. Смотрит в вазочку, хмурится.

– Джесс, можно тебя на минуточку?

Вбегает Джесс, его новая секретарша, сияя улыбкой из разряда «смотрите все, как я улыбаюсь». Безусловно, она самая светлая и жизнерадостная душа из всех собравшихся в этой комнате. Даже притом, что работает секретаршей у Джо'на. Ей чуть за двадцать, она приехала из какого-то крошечного городка в самой унылой части Мидлендса или Северной Англии.

Кто счастлив в Лондоне? Всякий, кто не из Лондона. Кто только что высадился с корабля, вышел из самолета, сошел с поезда дальнего следования. Всякий, кто вырос в сельской глуши во Фландрии, в придорожном поселке в Алгарви, в спальном районе Гданьска, в тихой деревне в Шропшире. Я родился и вырос в Лондоне. И как все знакомые мне уроженцы Лондона, мечтаю отсюда свалить.

– Джесс, посмотри.

Джо'н предъявляет ей вазочку. Джесс внимательно смотрит (сто процентов энтузиазма, потому что так надо: хочешь сделать карьеру – проявляй рвение). Она не понимает, что должна там увидеть. Орешек забавной формы на самом верху? Сообщение, выложенное из арахиса? Маленький, но приятный презент по случаю окончания года?

Она смотрит на Джо'на (сорок процентов недоумения, шестьдесят процентов энтузиазма).

– Это недопустимо, – говорит Джо'н.

Джесс опять утыкается носом в вазочку, потом поднимает глаза на Джо'на (пятьдесят процентов недоумения, пятьдесят процентов безмолвной мольбы). На всякий случай я тоже смотрю. В вазочке ничего нет. В смысле, ничего такого, чего ты вполне обоснованно не ожидаешь увидеть в вазе с арахисом. Никаких откровенно испорченных орешков, никаких дохлых членистоногих. Но разве Джо'ну нужны причины, чтобы отчитывать подчиненных? Он у нас главный выпускающий редактор. Ему не нужны никакие причины. Он сам себе и причина, и следствие.

– Джесс, пожалуйста, убери это отсюда. Они разложены совершенно не так. Я в тебе разочарован.

Такая придирчивость была бы неловкой в любой ситуации, но когда подобное происходит на наших глазах, возникает неловкость иного рода. Как будто ребенок пытается развлекать целую камеру матерых серийных убийц и тщится произвести впечатление, угрожая крошечному безобидному паучку. Меня подмывает спросить у Джо'на, в чем именно заключается искусство аранжировки арахиса в маленьких вазочках. Пересыпая орешки, Джет вскрыла пакет снизу, а надо сверху? Но это плохо кончится. Полетят щепки и головы.

Глядя на лицо Циклона Энни, я понимаю, что она истребила бы Джо'на за одно только это мелочное издевательство. Может быть, она выглядит как невзрачная шестидесятилетняя домохозяйка, одетая в старый мешок и огорченная нерадивостью приходящей уборщицы, но она убивала. Эта женщина отнимала чужие жизни.

Вместо дурацких бус из фальшивого жемчуга она могла бы украсить себя красочными татуировками наподобие тюремных наколок с подсчетом своих мокрых дел. Наш Циклон довел до самоубийства или вогнал в гроб людей покрепче и явно пожестче Джесс. Это не я дал ей прозвище.

Теледокументалистика – ее работа, уничтожение человеческих жизней – ее призвание. Что касается Эдисона... чего стоит хотя бы история о съемках в Сибири. Пнешь какого-нибудь пакистанского мальчика, и ООН призывает тебя к

ответу. Убьешь дюжину статистов в Иркутске, никто и глазом не моргнет.

Джо'н совершенно не замечает презрения, которым его обдают в промышленных масштабах. Больше всего раздражает, что в этом смысле я ему жутко завидую.

Публике Джо'н неизвестен. Его имя практически не фигурирует в СМИ. Но как у главного выпускающего редактора, у него есть своя ниша. Ниша совсем небольшая. Он вряд ли когда-нибудь купит яхту, но мы с ним живем в разных мирах. Если ты президент крупной компании или даже владелец крошечного магазинчика, на тебе лежит определенная ответственность.

Пока Джо'н – наш начальник (а как мы мечтаем об автобусе с неисправными тормозами или о резистентном к лекарственным средствам вирусе!), он может делать что хочет. Он привлекает к работе, кого захочет, и сам выбирает темы. И неважно, что ты снимаешь крутые рейтинговые программы, может быть, самые успешные за всю историю телеканала. Если ему не понравится твоя рожа, ты не снимаешь уже ничего. Даже не остаешься в истории. Тебя нет, и не было никогда. Я лично знаю одного человека, когда-то известного и уважаемого продюсера, который теперь подвизается дневным сторожем в ночном клубе в Болгарии.

Неважно, и если ты занимаешься всякой мутью типа той, на которой специализируется Джек-Список. Если ты нравишься Джо'ну, ни одно преступление не останется без награды.

Пытаешься объяснить это людям, далеким от телевидения, и тебе просто не верят. У людей странные представления о нашей работе. Почему-то считается, что на телевидении трудятся исключительно профессионалы, знающие свое дело. Что существуют некие стандарты. Все механизмы отлажены и работают как часы. Но почти ничего не отлажено. Тот же Джо'н – он вообще непригоден к такой работе. Ему подошла бы работа кассира в крошечном провинциальном кинотеатре, где даже не требуются минимальные социальные навыки, необходимые официантам и продавцам, и где ему не придется прилагать физические усилия, например, расставляя товары по полкам.

Даже при четком регламенте и при наличии многочисленных проверяющих, отслеживающих ситуацию, невозможно проконтролировать все. Где-нибудь обязательно будет прокол. Ожидания не оправдываются никогда. Моя самая

крупная ссора с женой? Из-за украинской стриптизерши, которую я повел на обед? Нет.

Жена застала нас в «Бриклейерс Армс». Никто не ходит в «Бриклейерс Армс» на Гресс-стрит. Поэтому, собственно, я туда и пошел. Никто не знает, что есть такой паб. Это самый центральный паб в Центральном Лондоне, но большинство лондонцев о нем не знает, потому что он расположен за углом совершенно невзрачного переулочка. О нем не знают работники офисов в том же квартале. Чтобы знать такие места, нужно родиться и вырасти в городе. Нужно быть лондонцем до мозга костей.

Каковы шансы, что в городе с населением более десяти миллионов человек вы забежите в «Бриклейерс Армс», чтобы по-быстрому пообедать с украинской стриптизершей, и именно в эту минуту в паб войдет ваша жена, которая должна была быть на работе в пятнадцати милях отсюда? Стриптизерша, пусть и не при исполнении, была полуголой и представилась как стриптизерша. Казалось, что все шло к разводу, стремительно и неотвратимо, как астероид-убийца.

Разразился скандал? Сердито надутые губы? Приподнятая бровь? Нет. Я мог бы сидеть в этом баре с отцом и играть в «Толкай полпенни». По дороге домой Эллен попросила меня заглянуть в магазин и купить жидкость для снятия накипи. Ни капельки ревности, даже намек на ревность. И это было не притворство.

Вот что меня возмутило и даже обидело. Эллен и в голову не пришло, что у меня могут быть шашни с молоденькой стриптизершей. Я чуть не крикнул ей вслед: «Я сижу с двадцатилетней стриптизершей, расфуфыренной, как вавилонская блудница, а тебя это даже не насторожило?»

Разумеется, каждый мужчина – предмет насмешек в кругу семьи.

Мы, так называемые независимые продюсеры, сидим, как пудели, и безропотно слушаем. Мы такие же независимые, как рабы на галерах, у которых был выбор: либо греби, либо тебя бросят за борт. Нужно было назвать нас зависимыми продюсерами, потому что так и есть: мы зависим от настроения Джо'на бросить или не бросить нам кость – работу.

Есть много слухов о том, как Джо'н получил эту должность, и все очень нелестные. Он самый никчемный из всех в этой комнате – и в большинстве других комнат тоже. Ему повезло. Вот и все.

Лично мне нравится слух, что Большой Босс, нанявший Джо'на перед тем, как уволиться с телеканала и занять еще более высокую должность в другой компании, нанял человека, пришедшего на собеседование о вакансии вахтера и случайно вломившегося не в ту комнату, как раз потому, что ему сразу стало понятно: Джо'н все развалит. Сорвет всю работу. Он оставил нам Джо'на в качестве потешной бомбы замедленного действия.

Бывает полезная ненависть. Ненависть, придающая сил. Упрямая ненависть, что помогает добраться до финиша. А есть ненависть вредная, разрушительная. Я постоянно вожу в багажнике бензопилу. Пила маленькая, портативная, но она сделает свое дело. Я уверен, что смогу отпилить Джо'ну минимум пару конечностей, пока меня не оттащат. Когда знаешь, что у тебя есть пила, на душе как-то спокойнее. Пока есть запасной выход, все более-менее терпимо. Жить можно.

– И что, надо будет подать официальную заявку на участие в тендере? – хмурится Циклон Энни.

– Энни, мы празднуем Рождество, – отвечает Джо'н.

Лицо у Энни такое, словно ее уронили с двадцатого этажа. Все исключительно некрасивые женщины, которых я знал, неизменно впадали в крайности: становились либо полностью веселыми, либо полностью злобными. Энни заявляет, что она снимает радикальные политические документалки. Это говорит женщина, в которой, как и во всякой крикливой личности левых взглядов, тепла не больше, чем в гранитном надгробии. Женщина, чья социальная ответственность настолько мала, что, в отличие от других озлобленных пожилых теток, у нее даже нет кошки, потому что наличие кошки обязало бы ее сделать хоть что-то хорошее для другого живого существа. Хотя бы открыть банку с кошачьим кормом. Давным-давно, в незапамятные времена, когда я только пришел на студию, она проводила со мной собеседование. С тех пор я все жду, как бы с ней по квитаться.

На собеседованиях она блаженствует. Проводит их постоянно. Обычно, когда нет вакансий. Собеседование – это прекрасная возможность оскорблять человека в лицо и всячески его унижать, не опасаясь, что тебе дадут сдачи. Каждый год через мясорубку суровой Энни проходят дюжины выпускников журфаков.

Им задают вопросы, на которые невозможно ответить. Если ты говоришь, что тебя интересуют международные отношения, она заведет разговор о какой-нибудь крошечной, никому не известной африканской стране. То есть как, вы не знаете, как зовут министра образования Нигера? Вы же сказали, что интересуетесь международными отношениями. Или вас интересуют только белые страны? Вы расист? Или сноб? Или просто профан?

– Расскажи нам о деньгах, Джо'н. У тебя и вправду есть деньги? – спрашивает Эдисон.

Он сидит в нарочито расслабленной позе. Такой весь задумчивый и вальяжный. Широко расставленные ноги означают, что его выпяченные чресла радостно простираются навстречу миру, хотя в Лондоне вряд ли остался хоть кто-то, кто так или иначе не знаком с Эдисоновым половым органом.

– Да, деньги есть.

– Чьи деньги? – спрашивает Эдисон, с томной задумчивостью потрянув длинными светлыми волосами. Он трясет волосами каждые пять-шесть минут, чтобы все видели, какой он задумчиво-томный и какая у него роскошная грива.

Недостаточно...

– Это неважно.

Джо'н прав. Совершенно неважно, чьи это деньги. Никому из нас не интересно, откуда они появились и чем они пахнут, ладаном или убийством. Джо'н мог бы сказать, но не скажет. Прелесть Лондона в том, что деньги, как и автобусы, когда-нибудь да появятся.

Возможно, придется ждать. Возможно, придется ждать долго. Но деньги появятся, потому что у нас стабильность. Ну, вроде как. Особенно если сравнить с большинством потешных государств и клептократий на нашей многострадальной планете. У нас есть законы – ну, вроде как есть, – и наши ночные клубы и проститутки лучше, чем в Цюрихе или во Франкфурте.

– Джо'н, ты уверен, что в этот раз деньги действительно есть? – не отстаёт Эдисон.

Это типа наглость, но больше хитрость. Эдисон разыгрывает карту «Мне не нужна никакая работа, а значит, можно и чуточку обнаглеть», чтобы получить работу и лишний раз дать понять, что возвышенный Эдисон считает документалки плебейской забавой, явно его недостойной.

– Да, деньги есть, – говорит Джо'н.

Я не единственный, кто сейчас вспоминает все те случаи, когда месяцы упорной исследовательской работы шли коту под хвост, потому что Джо'н притворялся, будто у него есть деньги, которых не было.

Может быть, это катарцы. Они срут деньгами, как при затяжной диарее. Раз в несколько лет Лондон захлестывает волна расточительных прожигателей жизни, чья национальная принадлежность определяется текущей геополитической ситуацией. Саудовцы, кувейтцы, русские, азербайджанцы, китайцы наряду с одинокими волками из криминального мира. Все наиболее успешное ворье рано или поздно сползается к Темзе. Лондон – город-убежище. Город-кошель. Всемогущая банковская ячейка.

Со мной в одном классе учился парнишка, который теперь контролирует все катарские деньги в Европе. Я единственный, кто пытался его утешить, когда весь класс скакал на его новом ранце, пока тот не порвался в клочья. Была мне от этого польза? Открылся ли мне доступ к большим нефтедолларам? Нет. Вот почему не надо никому помогать. Никогда. Нам всем срут на голову. Почти ежедневно. И намного обиднее, когда тебе на голову срет кто-то, кому ты когда-то помог.

– Прощу прощения, если это звучит эгоистично, но я заберу все и сразу, – говорит Эдисон.

Возможно, мое величайшее преступление заключается в том, что я привел Эдисона. Пятнадцать лет назад я взял его на работу младшим редактором. Прощелыга, бандит, похититель домашних животных, мародер, бабник, паразит, проходимец, альфонс, спекулянт, аферист, пародия на человека, никчемная личность, предатель, подлая тварь, интриган... вот что приходит на ум, когда я вижу Эдисона. Если ты можешь что-нибудь сделать для Эдисона, Эдисон сделает что-нибудь и для тебя. Эдисон сделает для тебя (или с тобой) все, что угодно. Не стесняйся.

Однажды в обеденный перерыв, вернувшись в студию с сэндвичем с копченой индейкой – на поджаренном хлебе с отрубями и с дополнительной порцией чатни из манго, – я застал там Эдисона, который сидел, вывалив из штанов свой вздымающийся к небесам по-бразильски неистовый член.

Я не знал, что сказать, и так и не съел сэндвич с индейкой, о котором мечтал все утро. С тех пор я вообще не ем сэндвичи с индейкой. На случай, если я вдруг не понял намека, Эдисон пояснил:

– Я всегда рад побыть девочкой.

Другие перлы от Эдисона, изреченные за две недели, пока я его не уволил: «Может быть, просто ограбим банк?», «Ты абсолютно уверен, что не хочешь купить мне машину?», «Жалко, что у нас нет машины времени, а то я вернулся бы в прошлое и заделал бы себе самому отличный минет» и «Я – величайший бразильский режиссер из всех ныне живущих» (говорил человек, не отснявший тогда ни единого кадра).

Когда я взял его на работу, он, бывало, не ел горячего по три дня кряду и спал в аэропорту Хитроу, куда прилетел из Манауса. В скором времени он обзавелся не только толпой воздыхателей, состоящей из женщин в глубоком климаксе и состоятельных геев (чей мышечный тонус уже не тот, что раньше), легкой добычи для обаятельных аферистов, желающих жить на широкую ногу, но и немалым числом молодых спонсоров, бесперебойно снабжавших его наличностью и горячими обедами.

Нельзя сказать, что Эдисон совершенно не хочет работать. Работать он хочет, но вальяжно, с ленцой. Главный его недостаток? В нем слишком много от Макиавелли, слишком много всего наворочено в голове. Если парадная дверь

открыта, он все равно пойдет – этак вальяжно, с ленцой – к задней двери и взламывает замок. Мы все заперты внутри себя.

Но он обставил нас всех. Он срежиссировал полнометражный художественный фильм. Я, когда узнал, чуть не умер от зависти. Кто бы что ни говорил о желании работать исключительно с дагерротипами или снимать настоящую хронику жизни в албанском колхозе в режиме реального времени, каждый, кто хоть однажды смотрел на мир сквозь объектив кинокамеры, хочет играть в высшей лиге.

Лично я никогда не стремился снимать художественное кино, потому что достаточно плотно работал с актерами и знаю, что они меня бесят. Актер – существо бесхарактерное, просто по определению. Делает то, что ему говорят. И готов сделать все, что угодно. Есть разница между готовностью упорно работать, чем-то жертвуя ради дела, и готовностью сделать все, что угодно.

Кроме того, есть еще странная потребность актрис раздеваться. Непрестанная битва за то, чтобы они не оголялись. Это какой-то безудержный эксгибиционизм. Только и думают, как бы сверкнуть своими прелестями перед камерой. И постоянный скулеж. Обеспокоенность нищетой, подпольной работоторговлей, проблемами беженцев и глобального потепления. Узрите, как душа моя страданиями человечества уязвлена стала, и возрыдайте. Нет, нельзя разглагольствовать о духовном, когда вся страна исходит слюной на твой крупный план.

Большинство фильмов – полная чушь, но это игрушки для больших мальчиков. Как режиссер фильма, ты – властелин множественной Вселенной.

Страшно даже представить, что произошло, когда на съемках у Эдисона погибли люди. Статисты и члены съемочной группы замерзли до смерти, или на них рухнули декорации; такую рекламу не купишь за деньги. Но это был настоящий полнометражный фильм. Снятый в Сибири на кровавые деньги каких-то нефтяных магнатов с произносимыми именами. Голливудские звезды. Толпы массовки. Вертолеты. Целый штат ассистентов. Питание по высшему разряду. История о каких-то аварских братках, сбежавших из ГУЛАГа.

Фильм не дошел до экранов. Его не показали ни разу, даже на вшивом кинофестивале где-нибудь в Черногории. Моя радость по этому поводу была

практически неопишуемой. Нехорошо радоваться неудачам других, но, как говорится, бери, что дают.

Что-то явно пошло не так. Потому что всегда есть возможность выпустить фильм на экраны. Пусть даже всего на один экран, в крошечном провинциальном кинотеатре, где твой фильм увидят трое членов семьи. Но это реально. Всегда. Если фильм Эдисона не вышел в прокат, значит, что-то произошло. Какой-то крепкий раздор между его аварскими, чеченскими и даргинскими спонсорами.

Если и есть область деятельности, где риск неприемлем, где провал пламенеет печатью позора у тебя на челе, где при малейшем намеке на неполадки инвесторы прячутся по бункерам, то это художественный кинематограф. Фильм Эдисона пылится на полке где-то в Дагестане, и ему никогда не дадут снять еще один. С другой стороны, фильм Эдисона пылится на полке где-то в Дагестане, но Эдисон снял большое кино. С вертолетами, песнями, плясками и первоклассной организацией питания. Не всем так везет. Лучше снять фильм и кануть в забвение, чем не снять вообще никакого фильма.

– Мне нужно что-то особенное, – говорит Джо’н.

Кто бы сомневался. Стало быть, мы вернулись к обычной рутине.

Отличное слово «особенный», многозначное, очень полезное для идиотов. Обычное дело: Джо’н сам не знает, что ему нужно, а нам придется тратить время и деньги, чтобы помочь ему определиться.

– Мне нужно что-то неординарное, будь то искусство, политика или какой-нибудь выдающийся человек. У вас у каждого есть своя специализация. Мне видится мини-сериал или большая трехчасовая документалка. Такая, чтобы осталась в веках. Чтобы все охренели.

Мне надоело стоять у арахиса, да и ноги устали. Вижу свободный стул и сажусь. Спокойно сижу секунд пять, а потом стул ломается подо мной с громким треском. Я падаю на пол. В таких ситуациях надо сразу смириться с тем, что над тобой будут смеяться. Принять и смириться.

Естественно, все оборачиваются ко мне, но никто не говорит ни слова. Жду язвительных замечаний, может быть, комментария Джо'на «Я хотел бы добавить, что вовсе не обязательно ломать мебель, Бакс» или «У Бакса всегда наготове весомые аргументы». Но все молчат. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– Отличные новости, Джо'н, – говорит Миллисент.

От чистого сердца. Если бы так сказал кто-то другой, это было бы стопроцентное лицемерие или лицемерие с капелькой подхалимства. Но Мямля Милли говорит вполне искренне. Ее оптимизм столь заразителен, что рядом с ней как-то приободряешься.

Мямля Милли специализируется на искусстве. Когда вы заходите на какой-нибудь сомнительный грязный склад (все искусство теперь обретается либо на грязных сомнительных складах, либо в Мейфэре) и задаетесь привычным вопросом, как расценить кучу мусора в уголке: как кучу мусора или как яростное обвинение в адрес западного материализма, – это как раз по ее части.

Никто не скажет о Милли худого слова, но никто не скажет и доброго слова о ее работе. Она готовит отменную фаршированную курицу – такую курицу, как у Милли, я не пробовал больше нигде, – и поощряет искусство и деятелей искусства, совокупляясь с художниками, их друзьями, соседями и гостями. В конкурсе рейтингов популярности Милли побеждает с большим отрывом, и я, наверное, смогу с этим жить.

– Мне нужно что-нибудь радикальное, – размышляет Джо'н вслух, глядя в необозримую даль с таким видом, словно от него зависит судьба всего человечества. «Радикальный» – еще одно слово, которое почти ничего не значит, разве что позицию говорящего по отношению к слушателям: «Я лучше вас». Чаще всего это слово употребляют больные на голову фантазеры, считающие себя кем-то вроде Суперспартака, Иисуса Христа Че Гевары и всех, вместе взятых, отцов-основателей эгалитаризма. – Что-нибудь... пост-пост. Что-нибудь мега-мета. Мета-мета, – продолжает Джо'н.

– Мета-мета, – повторяет Милли.

Через час этот перл мудрости разнесется по всему Лондону. Что видят другие, глядя на меня? Аутсайдер. Хронический неудачник. Бакстер Стоун. Князь тьмы. Укротитель Семтекса. Меня никто не любит, но на телевидение это комплимент. Меня боятся. В самом деле, боятся. Человек не управляет своей репутацией. Я не знаю, откуда берутся все эти слухи. Они растут и меняются, точно дети.

Джек-Список заговорщически поглядывает на меня. С чего бы мы вдруг оказались союзниками? Вот что меня умиляет в людях: они не замечают тебя годами, а то и вгоняют в нищету, а потом им подрывает провести с тобой отпуск.

Рядом с Джеком сидит Флетчер, человек старой закалки, ветеран Центрального управления информации и нудист. Однажды, прежде чем я успел его остановить, он показал мне фотографии со своих голых каникул. Он показывал эти снимки всем и каждому. Видимо, чтобы общественность лишний раз убедилась, что он верен философии нудизма и поэтому потащил всю семью на Кап д'Агд, где вообще нечего делать, кроме как наблюдать за юнцами, ходящими без штанов. Флетчер много лет управляет агентством, представляющим интересы детей-актеров, но уже давно было замечено, что через это агентство не получил предложения о работе ни единый ребенок.

Недостаточно быть...

Ну и компания.

– А какой крайний срок для заявки? – говорю я, просто чтобы хоть что-то сказать.

– Бакс, не волнуйся. Вечно ты волнуешься, – говорит Джо'н. – Так нельзя.

Разумеется, нет никаких крайних сроков. Если ты сам не знаешь, что тебе нужно, то откуда бы взяться срокам?

Недостаточно быть двуличной, пакостной, вероломной и наглой шлюхой...

Ну и компания. С тех пор, как я пришел на телик, здесь действует заговор темных сил, имеющих целью уничтожить всякие проблески интеллекта, сжить со света любого, у кого есть характер или воображение, с кем действительно хочется разговаривать и общаться. Те немногие приличные люди, с которыми я

познакомился в самом начале, теперь либо мертвы, либо уволены, либо сошли с ума.

Даже если бы здесь, в этой комнате, был представлен весь цвет лондонской теледокументалистики, среди нас все равно были бы проигравшие, потому что не каждому удастся добиться успеха. Ошибка думать, что, сложись все иначе, каждому бы остался сочный кусок пирога. Будь у нас лучше поставлено образование. Лучше устроено правительство. Лучше то. Лучше это.

Пирога не хватает на всех. Кто-то должен мыть туалеты. Если есть первые, то должны быть и последние. Кто-то должен проигрывать. Госпожа Неудача действительно правит миром.

С другой стороны, кто-то должен выигрывать. Кому-то должно повезти. Это настолько несправедливо, что даже справедливо.

Выиграть может любой, даже самый тупой, даже самый ленивый, невежественный и никчемный. Бесполезные люди, некомпетентные, абсолютно безмозглые, необязательные, бестолковые, люди, грызущие ногти, не умеющие одеваться и правильно парковаться, самые что ни на есть отвратительные персонажи – они не подвергаются дискриминации. У них тоже есть шанс. И это верно не только для телевидения.

Но денег нет. И, наверное, уже не будет. Те деньги, которыми разжился Джо'н, – вероятно, последние представители своего вымирающего вида. Когда я начинал, телевидение было могучей силой. Теперь оно просто еще один бедный родственник, робко тянущий публику за рукав, чтобы обратить на себя внимание. Крушение империи – зрелище, безусловно, волнующее, но неудобное. Все-таки больно, когда тебе на голову валятся каменные колонны.

На бессмысленной чуши не сделаешь доброе имя. Чушь и бессмыслица были всегда, и в этом нет ничего плохого. Кто из нас не потекает своим маленьким слабостям? Проблема встает во весь рост, когда нет ничего, кроме бессмысленной чуши. Вот тогда уже надо задуматься.

Жизнь – тот же фильм-катастрофа. Кто доживет до счастливого финала? Большинство из нас точно не доживет. Мы уже знаем горечь разочарования, и к финалу эта горечь только усугубится. Горечь, разочарование и бедность. Я и не

думал, что когда-нибудь употреблю это слово в приложении к себе самому. Может быть, не богатый. Может быть, не знаменитый. Может быть, не настолько счастливый, как мне мечталось. Но бедный?!

Недостаточно быть двуличной, пакостной, вероломной и наглой шлюхой. Чтобы чего-то добиться в жизни, надо быть везучей двуличной, пакостной, вероломной и наглой шлюхой. Так говорил Херби. Еще одно его любимое выражение: Безмозглая наглая шлюха. Ближе к концу Херби сильно печалился по поводу нашего постразумного общества. Когда ты мертвый, в этом есть свои плюсы. Например, тебе больше не надо присутствовать на всех этих кошмарных корпоративах.

– С нетерпением жду ваших заявок, – говорит Джо’н.

Может, это и правда, поскольку он так хорошо развлекается за наш счет, но я сомневаюсь, что он читает наши заявки. Разве что бегло просматривает первые две страницы.

В прошлом году я отправил ему сценарную заявку в два часа ночи, напившись в хлам и решив эмигрировать в Аргентину и устроиться там преподавателем английского языка. Где-то на середине сценария документальной программы о контрабанде оружейного плутония я написал: «Ты все равно ничего не поймешь, друг мой Джо’н, потому что ты тупой, как бревно, и слишком ленивый, чтобы дочитать до этого места, бестолочь и невежда с большими претензиями, феноменально везучее, самодовольное одноклеточное».

Я был уверен, что Джо’н не читает заявки, разве что титульный лист и первый абзац, и бегло просматривает иллюстрации (мы давным-давно выяснили, что в заявках для Джо’на должны быть большие, цветные картинки, и этих картинок должно быть много; в конце концов, писать умные письма глупому адресату так же бессмысленно, как писать глупые письма интеллектуалу). Как выяснилось, я был прав. Но я тогда дергался целый месяц и похудел на четырнадцать фунтов.

Джо’н выходит из комнаты с таким видом, словно его ждут великие дела. Боюсь, что мне все же придется предаться фальшиво-дружескому общению в этой обители зла, прежде чем удастся сбежать.

– Умеет он напустить на себя важный вид, – замечает Джек-Список. – Его даже можно принять за кого-то, кто... как бы лучше сказать?.. в поте лица зарабатывает свой хлеб.

Это уже интересно. Джек гордится своим бунтарским, строптивым нравом, но высказывать настолько явное неуважение к начальству в компании межгалактических стукачей и умелых манипуляторов совершенно бессмысленно. В этом нет никакой очевидной пользы.

– На прошлой неделе я с большим удовольствием посмотрел твою новую программу, – говорю я Джеку.

И это правда. Я получил от просмотра истинное удовольствие. Давно я так не смеялся. Джеку вовсе не обязательно знать, что его новая программа была совершенно кошмарной. Нев-jiben-но паршивой. Собственно, тем меня и порадовала. Но похвалить человека язык не отсохнет, и похвала как минимум собьет Джека с толку, и, может быть, принесет мне какую-то пользу. Некоторые слова проникают даже сквозь многоступенчатый фильтр скептицизма. У меня когда-то была подружка, которая называла меня своим «господином и повелителем». Естественно, это была ирония, но рептильный комочек в моем мозгу на тот момент ее не уловил.

Джек-Список снимает документалки по списку «Форбс». Его программы неотличимы одна от другой. «Богатейшие люди Великобритании». «Богатейшие люди мира». «Встречайте богатых». «Встречайте самых богатых». «Новые богачи». «Богаче всех». «Думаете, вы богач?» «Жизнь богачей». «Как живут богачи». «Правда о богачах».

Разумеется, стоит снять пару подобных программ, и ты становишься признанным мастером проникновения на королевскую трибуну в Аскоте, топчешь палубы яхт на регате в Каннах и можешь с ходу сказать, сколько бронированных пластин выдерживает «роллс-ройс». Вот почему каждый раз, когда на каком-нибудь вялом канале нужна простая, дешевая программа, чтобы заткнуть дырку в эфире, что-то из серии «Новые новые богачи» или «Богатые против супербогатых», они звонят Джеку, который имеет знакомства и знает, где в Хенли поставить штатив.

Но недостаточно просто быть супербогатым. Какой смысл в богатстве, если о нем неизвестно миру? Они все с восторгом снимаются в программах Джека. И Джек тоже снимается в своих программах. Можно сказать, он и есть гвоздь программы. Почти в каждом кадре Джек пьет шампанское, угощается трюфелями, поглощает дизайнерский шоколад, поправляет цилиндры на голове, выходит из частных самолетов. И все это с фирменной Джековой мрачной ухмылкой. В реальной жизни трудно понять, что означают эти надутые, чуть искривленные губы (двадцать пять процентов усмешки, двадцать пять процентов улыбки, двадцать пять процентов гримасы, двадцать пять процентов недоумения).

Стоя с ним рядом, супербогатые могут подумать, что ему в нос ударили пузырьки шампанского, или в пралине попалась особенно твердая частичка пищевого золота. Вблизи эта ухмылка вполне безобидна, но если на монтаже включить закадровый звук, сразу станет понятно, что Джек насмехается.

Потому что он спрашивает: «Это полностью платиновый унитаз?» или «Зачем вы построили точную копию Лас-Вегаса посреди монгольской тундры?» – не просто так. Он бичует несправедливо нажитое богатство и смеется над дурным вкусом финансовых воротил. Джек не забывает о своих марксистских корнях, когда восхищается очередным состоятельным мудаком, покупающим собачью миску, инкрустированную бриллиантами.

Неужели я был единственным, кто понимал, что Джек живет сказочной жизнью (не забудем упомянуть неограниченный кокаин и отзывчивых балерин за кадром), сажая перед камерой денежные мешки, чтобы они объясняли, почему им так нравится пить коньяк по цене дома в Лондоне за бутылку?

Можно было подумать, что супербогатые все-таки сообразят, что Джек смеется над их платиновыми сортирами, искренне огорчатся и наймут в складчину скромного профессионального киллера (они легки на подъем и берут за работу намного меньше, чем вам представляется). Но нет. Неважно, контролируешь ты около четверти всего мирового производства алюминия или лежишь под забором, распространяя амбре месяцами немытого тела, почти каждый хочет попасть в телевизор.

Однако в какой-то момент до Джека все же дошли пересуды, что он не крутой журналист, а виртуозный халявщик и дармоед. Он объявил, что мировая общественность должна знать о слабо освещаемых аспектах повседневной

жизни в зонах конфликтов, и снял серию программ о незаслуженно обделенных вниманием конкурсах красоты вроде «Мисс Сараево» и «Мисс Багдад». Зрители снова имели возможность наблюдать, как Джек кривит губы, проводя мастер-класс в технике двойных стандартов. Если ты, проницательный зритель, видишь, как это постыдно и жалко, я, Джек, полностью с тобой согласен.

\* \* \*

Циклон Энни уже прижимает к уху мобильный телефон, очевидно, чтобы был предлог не разговаривать с нами и не заходить со мной в лифт. Но смотрит на Джека. Конечно, она обратила внимание, как нелестно он отозвался о Джо'не. Джек совсем спятил? Один из соперников выбывает из гонки? Или он делает вид, что спятил? Может быть, это ловушка? Я прямо вижу, как у нее в голове крутятся шестеренки, просчитывая все возможные варианты.

– Что мы здесь делаем? На хрена нам это надо? – говорит Джек.

Я никогда бы не подумал, что соглашусь с человеком, явившим миру столь глубокий и содержательный часовой фильм о «Мисс Сирии» и являющимся ведущим специалистом в вопросе выбора дворецкого, но эти слова он прямо-таки снял у меня с языка.

Его единственная беда: зря он вышел из райского сада. Ему прекрасно жилось на уютном участке, где он плясал бугалу с супербогатыми, продвигал никому не известные малоодоходные конкурсы красоты и тестировал клюшки для поло. Да, над ним потешались, но ему следовало бы учесть, что большинство потешавшихся – и я в том числе – если пока и не роется по помойкам и не ищет картонки, чтобы прилечь под забором, то уже очень к тому близко.

Он замечательно провел время в Дамаске с мисс Сирией и ее подругами. Он прекрасно освоился и, проработав на телевидении двадцать лет, вдруг поклялся себе, что на этот раз снимет правильный фильм. Правдивую, серьезную аналитическую программу. Которую будут показывать на настоящих кинофестивалях. Настоящую документальную хронику. О реальных событиях. О реальных людях. Без Джека, ухмыляющегося в каждом втором кадре.

Бесплатный совет начинающим журналистам. Если ты приезжаешь в чужую страну и повсюду видишь портреты одного и того же вождя и учителя: в каждом кабинете, в каждой школе, в каждой больнице, в каждом гараже, в каждой конторе и каждом общественном месте – то неважно, какими довольными выглядят люди. Неважно, как чисто на улицах городов. Здесь явно что-то не так.

Джек снял фильм об Асаде. Как Асад поднял Сирию с колен. Как хорошо он образован. Какой он дальновидный. Какая у него замечательная жена. Как его любят в стране. Как каждый школьник мечтает быть на него похожим. Какой шикарный в Дамаске зоопарк. Все были счастливы.

Фильм вышел в эфир за пару месяцев до того, как Асад принялся травить газом и морить голодом собственных граждан и бомбить больницы, добивая выживших. Лев в зоопарке был съеден.

Можно было предположить, что после такого документального фильма – после такого стыда и позора, после такого чудовищного заблуждения, после того, как ты всячески восхвалял массового убийцу, – тебе вообще запретят снимать документальное кино. Что твое журналистское удостоверение разорвут в клочья у тебя на глазах. Что тебя больше не пустят на порог телецентра. Разумеется, нет. Это телик. Хотя Джек так и остался всеобщим посмешищем.

У меня есть дела поважнее, чем анализировать намерения Джека. Я мчусь к лифту и уже мысленно поздравляю себя, что отделался от этой шайки, но следом за мной в лифт проскальзывает Эдисон. Интересно, зачем?

– Бакс, Бакс... – Эдисон делает паузу. Он, как мы помним, задумчив, вальяжен и нетороплив. – Бакстер, – говорит он, чтобы показать, что помнит мое полное имя (что даже как-то умиляет после того, как он предлагал мне интим и совместное ограбление банка), и используя хитрый прием всех мошенников и перекупщиков старых машин в надежде, что если он несколько раз повторит мое имя, меня будет проще одурачить. – Бакстер, как у тебя дела?

К чему вся эта дипломатия? Например, русские знают, что за ними шпионят американцы, а американцы знают, что за ними шпионят русские. Все та же заносчивость и гордыня, все тот же знакомый нам мистер Ги Брис: да пусть шпионят, мы все равно шпионим лучше. Эдисон знает, что у нас с ним борьба не на жизнь, а на смерть, знает, что я не поддамся на эти уловки, и все равно

почему-то считает, что может меня обхитрить.

– У меня все хорошо. Как у тебя, Эдисон?

Отбиваю подачу, называя его по имени. Полезная вещь – этикет, позволяет говорить ни о чем и помогает скоротать время, когда ты застреваешь один на один с Эдисоном в лифте. Удивительно, что он вообще со мной заговорил. Потому что формально и неоспоримо он стоит выше меня в нашей иерархической пирамиде благодаря своему полнометражному фильму, пусть и не вышедшему на экраны. Он у нас дерзновенный и высокобюджетный. Или он тоже теряет позиции?

– У тебя все хорошо? Правда, все хорошо? – Эдисон одаряет меня томным взглядом.

Примитивная хитрость. Ты повторяешь вопрос, чтобы подчеркнуть, что это не просто дежурная вежливость, а искренняя озабоченность благополучием собеседника. Потому что тебе действительно не все равно. Разумеется, большинство из нас тут же схватится за возможность пожаловаться на жизнь и выложить все, что давно накипело.

– Правда. – В разговорах с подобными Эдисону – только имя, звание и личный номер. Может быть, что-то про погоду. Не выдавай информацию: ее потом могут использовать против тебя. Думаю, не завести ли разговор о фильмах, так и не вышедших в прокат, но это заведомо проигрышный вариант. – Я слышал, ты был в Сирии.

– Да. – Вальяжная пауза. – Неплохая война, перспективная. Если найдется время. Много секса. – Очередная вальяжная пауза. – Ты нашел сейф Херби?

Он все же не устоял и спросил. Вполне логично. Бей лежачего, и тогда он, может быть, не поднимется вовсе.

– Нет, – говорю я с напускным безразличием, но стараюсь не переигрывать.

Лифт, похоже, застрял на первом этаже. И что, мне теперь сидеть тут с Эдисоном весь день? Мое «нет» вроде бы сработало.

– Слышал про Джима? – спрашивает Эдисон после целой минуты молчания.

Киваю. Я слышал про Джима. Его обнаружили в гостиничном номере в Найроби, где он повесился на собственном галстуке под японскую порнуху с участием осьминогов, включенную на огромном плазменном экране. Что происходит с нынешними мужиками? Ни на минуту не могут оставить в покое свои причиндалы. Единственное, что меня удивило: что у Джима был галстук.

Никто не знает, что это было: самоубийство или несчастный случай. Мой опыт подсказывает, что настоящие самоубийцы – это не наркоманы, не люди в глубокой депрессии и не любители полосовать себя бритвой. Настоящие самоубийцы не проявляют своих намерений, подходят к делу серьезно и вдумчиво, и у них все получается с первого раза.

Полгода назад мы с Джимом обедали. Разумеется, я не хотел с ним обедать. Это была чистой воды дипломатия. Он мог бы выдать какую-то полезную информацию или же оказать мне услугу, ошибочно полагая, что когда-нибудь я отплачу ответной услугой.

Джим опоздал почти на час, пришел какой-то перевозбужденный, а как только мы заказали еду, прошептал: «Я боюсь темноты», свернулся калачиком на полу и принялся рыдать в голос. Он тогда плотно сидел на коксе и заправлялся по несколько раз на дню.

Вызвали «скорую». Сколько я ни объяснял, что он мне не друг и что мне хотелось бы спокойно сесть и отведать цесарку под соусом из чернослива и фенхеля, которую только что принесли, врачи заставили меня ехать с ними в больницу. Меня самого беспокоит, какой я безжалостный и толстокожий, потому что мне до сих пор жаль той не съеденной мной цесарки.

А вот Джима не жаль совершенно. Моя реакция: одним соперником меньше. Что, конечно, характеризует меня не с лучшей стороны. Никто не рождается с желанием радоваться тому, что его ближний умер от удушья за просмотром порнухи, в которой несчастный головоногий обретает бесславный конец в японской йони. Это приобретенное качество.

– По крайней мере, он умер, занимаясь любимым делом, – говорю я.

Лифт наконец-то доехал, и двери открылись. Эдисону понравилось мое замечание, и пока он вальяжно хихикает, я быстренько с ним прощаюсь и скрываюсь в уборной. Надеюсь, Эдисон не увяжется следом за мной, а если увяжется, закроюсь в кабине.

Выходя из телецентра (читай: сумасшедшего дома), с удовольствием смотрю по сторонам. Приятно видеть, что на улице нет никого, так или иначе связанного с телевидением. На фонарном столбе висит объявление с фотографией важного черного кота. «Это ваш кот?» – написано над фотографией, типичной для многочисленных объявлений о пропавших и найденных домашних животных. Ниже – текст: «Я его съел. Под грибным соусом с белым вином. Было вкусно».

У входа в метро сидит бомж, закутанный в одеяло. Типичный попрошайка с неременной картонной подстилкой и собакой на поводке. Я его часто здесь вижу. Даже в разгаре лета, когда солнце жарит всю, город изнемогает от зноя и хочется раздеться до пояса, он все равно кутается в одеяло. Это часть представления. Мне вдруг приходит на ум, что единственное различие между нами – по мне еще не заметно, что жизнь явно не удалась.

Небольшая поправка: в пересчете на ежедневную выручку он зарабатывает всяко больше меня.

Сколько нас таких, рыдающих дома в подушку? Легко храбриться при посторонних, пару часиков на совещании или в офисе, но что происходит, когда ты приходишь домой и остаешься один за закрытой дверью? Ведь это и есть настоящая жизнь? Когда ты один? Может, поэтому мы и не любим находиться в одиночестве?

Статуи

Февраль

Сегодня утром все припорошено снегом. Прощальный привет от зимы. Взглянув на меня с какой-то особенной горечью, Эллен идет на работу. Разумеется, это я виноват, что ей надо мчаться на встречу в такую рань, что сегодня на улице

снег, что ей вообще нужно работать. Это я виноват, что она стала моей женой и что я, расслабленный и никуда не спешащий, пью кофе на теплой кухне, пока жена собирается на работу.

– Хотя бы один из нас должен работать.

Она вкладывает в эту фразу всю свою злость. Можно возразить, но я знаю, что это бессмысленно: Эллен нравится изображать великомученицу, и поскольку я действительно никуда не спешу и пью кофе на кухне, сидя в старой домашней футболке, мои возражения, что я тоже работаю, прозвучат не особенно убедительно. К тому же моя так называемая работа не принесла никаких результатов и, что самое главное, никаких денег. Я ломал голову несколько месяцев, но у меня так и нет грандиозной идеи под большие деньги Джо'на. Есть куча мелких идей, и весьма неплохих, но они точно не тянут на мегапрограмму, которая потрясет мир и сразит всех наповал.

Юи смотрит в окно, открыв рот.

– Снег беспомощный, – говорит Юи. – Снег беспомощный.

– Ага.

Понятия не имею, что она хочет сказать, и мне совершенно не хочется полчаса выяснять смысл этой туманной фразы, поэтому я прошу Юи проводить Люка в школу.

Юи, наша помощница по хозяйству, невероятно ленива. Дай ей волю, она бы только и делала, что предавалась безделью, но если ее попросить, она великодушно исполнит свои обязанности. Каждую просьбу я повторяю дважды, просто чтобы быть уверенным, что меня поняли правильно. Вероятно, такая же практика существует и во французском Иностранном легионе: все команды повторяются дважды во избежание недоразумений. Когда я так делаю, Юи всегда недовольно хмурится, но я уже пару раз накололся, доверившись ее знанию английского, и теперь строго придерживаюсь системы контрольных повторов.

Она осталась с нами, когда мы потеряли дом. Не из верности добрым хозяевам, а по той простой причине, что ей больше некуда было податься. Юи обожает

Люка, в этом смысле она образцовая au pair[1 - Домработница, проживающая в доме хозяев (фр.).], а поскольку она плоская, как доска, и вообще напоминает чудом выжившую узницу Освенцима, ее присутствие в доме не представляет угрозы семейному благополучию. Однако Юи не говорит ни на каком языке, и это, конечно, огромный минус.

Ее родители были японцами, но детство она провела в Бразилии, потом какое-то время жила в Испании, Иордании, Южной Корее, Германии, а затем переехала в Лондон. Из верных источников я знаю, что она говорит по-японски на уровне двухлетнего ребенка, и это, возможно, ее сильнейший язык.

Юи пишет картины. Изображает свое влагище на огромных холстах. Однажды мы с ней застряли в пробке, и за час ей почти удалось объяснить мне, в чем смысл. Я отнюдь не знаток изобразительного искусства, но даже мне ясно, что у нее нет способностей к живописи и рисунку. Одно время я думал свести ее с Милли, однако Милли считает, что живопись безнадежно устарела еще в позапрошлом веке, да и в Юи есть что-то такое, что буквально притягивает невезение, она просто ходячее несчастье.

Да, бывало, что мне не везло. Но иногда и везло. Эллен. Без жены я бы пропал. В один прекрасный субботний день я выходил из метро на станции «Виктория» и увидел на лестнице хорошенькую блондинку, пытавшуюся тащить по ступенькам тяжелый чемодан. Я был молод и рьян, я буквально взлетел вверх по лестнице с ее чемоданом. Я чуть не крутил его над головой, распевая йодлем, хотя примерно на середине пути мне пришло в голову, что надо бы чуть притормозить и придумать какую-нибудь остроумную фразу для начала знакомства. Я ничего не придумал. Я был сражен ее красотой.

– Спасибо. Может, вам стоит спросить у меня номер телефона? – Вот что сказала Эллен.

С ужасом думаю, что, окажись я на лестнице минутой раньше или минутой позже, не встретил бы будущую жену. Таких, как она, больше нет. Во всяком случае, я не встречал. Эта женщина знает меня, как облупленного, и все равно любит. Без нее я бы умер.

Это лучшее, что со мной произошло за всю жизнь. И оно совершенно никак от меня не зависело. Оно просто случилось.словно птичка свернула тебе на голову.

Небольшая поправка: словно бабочка села к тебе на рукав.

На втором свидании с Эллен я сказал себе: «Эта женщина станет моей женой». Потом я заметил весьма привлекательную брюнетку на другом конце бара и подумал: «Знаете что? Я мог бы выебать эту брюнетку, поставив раком на столе, а потом все равно бы женился на Эллен». Что позволено человеку? Что он сам себе позволяет?

Надо добавить, что на нашем третьем свидании Эллен встретила в баре какого-то шапочного знакомого и довольно сердечно с ним заговорила. Мне хотелось его убить. В прямом смысле слова. Мне хотелось кровавой бойни, упоительного насилия. Хотелось взять тяжеленный мачете и изрубить этого дятла в капусту. Если тебе не хочется убивать, это не настоящая любовь.

\* \* \*

Я записался к врачу. Вот что меня поражает в нынешних медицинских учреждениях: администраторы, едва говорящие по-английски при полном отсутствии какой бы то ни было квалификации и получающие зарплату меньше, чем у кассиров в закусочных, обращаются с тобой по-хамски, а врачи, у которых есть высшее образование и высокооплачиваемая работа, притворяются вежливыми и любезными. По крайней мере, они ощутимо любезнее администраторов.

Администратор за стойкой в приемной не замечает меня минут пять, после чего все-таки удостоивает вопросительным взглядом. Какой-то латинос в синем костюме. Накинем юноше балл за старание (обычно администраторы в клиниках ходят либо в рекламных футболках, либо в растянутых кофтах из секонд-хенда), хотя костюм явно справлен для младшего брата, и парень носит его, не снимая, лет пять минимум. Даже, наверное, в нем спит.

– Я по записи.

Администратор молча показывает на компьютерный экран на стене, где нужно найти свою запись и взять талончик. В чем-то я даже сочувствую администраторам: им постоянно приходится сталкиваться с непроходимо тупыми или агрессивными гражданами.

Я говорю:

– Экран не работает.

Этот экран на стене отражает всю сущность нашего здравоохранения. Компьютерная регистрация, которая не работает. Я уж молчу о сенсорном экране. У меня нет медицинского образования, но даже мне ясно, что сенсорный экран в приемной врача – это плохая идея: задумайтесь о больных гриппом, о прокаженных, о ВИЧ-инфицированных, о носителях *Helicobacter pylori*, кишечной палочки, стрептококка и лекарственно-устойчивого туберкулеза. Они все отмечаются на экране. Плюс к тому, старикам и больным затруднительно читать инструкции, набранные микроскопическим шрифтом.

Мне здесь не нравится. Я уверен, что зря трачу время. Терапевтам не хочется с нами возиться. Если тебе меньше тридцатника – у тебя какой-то загадочный вирус, если больше тридцатника – возраст. Организм потихоньку изнашивается, а что вы хотите? Мне всегда приходилось ходить к врачу раза четыре, чтобы он убедился, что я действительно болен. Опять же напрасная трата времени: и их времени, и моего. Хотя я записался на этот прием три недели назад и мне было назначено точное время, меня маринуют в приемной еще минут сорок, и передо мной успевают пройти толпы каких-то суданцев и иракцев.

И вот меня все-таки вызывают. Свершилось.

Доктор мне незнаком. Давным-давно, в незапамятные времена, ты годами ходил к «своему» терапевту, который имел хоть какое-то представление о тебе и твоих болячках. В этой клинике, как ни придешь, каждый раз новый доктор. Лондон.

Доктор брызгает стул, предназначенный для пациентов, каким-то дезинфицирующим аэрозолем. Сразу ясно, что человек только что выпустился из медицинского колледжа. Вид у него удрученный, словно ему самому здесь не нравится. Добро пожаловать в жизнь, малыш.

– Как самочувствие? – интересуется он.

Каждый раз, когда я слышу этот вопрос от врачей, меня подмывает ответить: «Самочувствие хреновое. Иначе с чего бы я к вам приперся?»

– Нормально, спасибо.

– На что жалуетесь?

Я ничего не рассказывал жене, потому что она не поверит, решит, что я все выдумываю, и опять будет злиться. Друзья не раз мне говорили, что так поступают все жены: они никогда не поддержат тебя, и в этом, собственно, и заключается их поддержка. Если я буду лежать на земле в луже крови, Эллен посмотрит и скажет: «Хватит себя жалеть». Небольшая поправка, она скажет так: «Я тебе сообщу, когда ты заболеешь».

Недостаток сочувствия в Эллен усугубляется ее железным здоровьем. За последние десять лет она не болела ничем, кроме одной-единственной легкой простуды, за которую не извела даже пачки бумажных платков. Эллен не верит в болезни. Я видел суровых премьер-министров и афганских полевых командиров, сбегавших и прятавшихся от жен, потому что чем бы ты ни занимался весь день: поднимал экономику, продавал трости, добывал платину, воспевал красоту мира, правил мудро и справедливо, – в конце концов ты приходишь с работы домой, где ждет жена, которая знает, как побольнее тебя уязвить.

Хотя, если честно, в каком-то смысле нам даже нравятся эти придирки. Что за радость все утро валяться в постели, предаваясь блаженному безделью, если жена не начнет возмущаться, обзывая тебя ленивой свиньей? «В таком виде ты никуда не пойдешь». Чем не голос матери (для тех из нас, у кого была мать)? Придирики жены – они словно треск домашнего очага. Ласкают слух и дают утешение. До определенных пределов. Как и все остальное.

– Мне мерещится всякое, чего нет, – говорю я врачу.

Кажется, он недоволен.

– Мерещится всякое?

– Очень быстро, буквально на пару секунд, когда я просыпаюсь и открываю глаза, мне видятся вещи, которых нет.

– В смысле, тени в темноте?

Нет, придурок, не тени и не в темноте. Вещи как части материального мира, при свете дня. Прямо передо мной.

– Нет, я вижу их как наяву. Обычные вещи. Предметы домашнего обихода, – поясняю я, чтобы он не подумал, что мне видятся небесные города, семиглавые киты и другие безумные галлюцинации.

Теперь врач внимательно изучает мою медицинскую карту, нет ли там записей, что я симулянт и притворщик. Он беспокоится, что ему, вероятно, придется заняться делом. Исполнить свои прямые обязанности. Жаль, мне негде взять справку для подтверждения, что я вовсе не ипохондрик, что мне не нужен больничный и что мне есть чем заняться, кроме хождения по врачам. Нет, я пришел потому, что со мной происходит какая-то странность.

– Предметы домашнего обихода?

– Да. Мусорная корзина. Или стул. Они возникают посреди комнаты и сразу же исчезают.

Про стул я соврал. Всегда появляется только мусорная корзина. Но если тебе постоянно мерещится только корзина для мусора и ничего больше, это как-то уже совсем странно. Я моргаю или пытаюсь к ней прикоснуться, и она исчезает. На самом деле все это уныло и безотрадно. Если уж ты сподобился узреть галлюцинации, то почему не космические корабли или жирафов на парашютах?

Врач неохотно проводит осмотр. Как хороший шаман, потрясая мешком с костями, он берет медицинский фонарик, чтобы проверить глазное дно. У всякого доктора есть стетоскоп или фонарик, чтобы сразу было понятно: перед тобой настоящий врач, с настоящими медицинскими инструментами, и он действительно что-то делает, а не просто сидит на жопе.

– У вас вроде бы все в порядке. – Он снова садится за стол и выносит авторитетное заключение: – Ваши видения – это обычные гипнагогические галлюцинации. Вам кажется, что вы проснулись, но вы еще спите и видите сны.

Все понятно, обычные отговорки. Лишь бы скорее избавиться от докучливого пациента. Почему врачи никогда не слушают, что им говорят? Я точно знаю, что это не сны. Я еще в состоянии отличить сон от яви. Да, иногда снятся такие сны, в которых все происходит словно наяву, ты драишь ванну, пытаешься оттереть намертво въевшееся пятно, но потом просыпаешься. Собственно, так и становится ясно, что это был сон.

Он пишет мне на бумажке: «Гипнагогические галлюцинации». Похоже, сегодня я не получу свои два аспирина.

– Можете посмотреть в интернете, что это такое.

Я думал, врачи недолюбливают интернет: пациенты выискивают симптомы, изучают лекарства и побочные действия, а потом еще имеют наглость задавать вопросы.

Я говорю:

– Спасибо.

Нет смысла высказывать все, что я думаю. Если видения будут продолжаться, я приду сюда снова. У меня нет денег на частную клинику.

Дома я первым делом ищу в интернете «гипнагогические галлюцинации» и, перепрыгивая по ссылкам с одного медицинского сайта на другой, наконец набредаю на то, что нужно.

Синдром Шарля Бонне. Расстройство зрения, при котором человеку видятся галлюцинации. Как правило, совершенно обычные, повседневные вещи или люди, причем что интересно: люди всегда незнакомые. Кто-то считает, что именно этим синдромом объясняется явление призраков. А поскольку фигуры в видениях часто бывают миниатюрными, то еще и лепреконов, эльфов, фей, пикси и других мифических коротышек.

Этот синдром обычно встречается у людей, теряющих зрение (мозгу приходится импровизировать, чтобы заполнить пробелы). Но не только у них. Разумеется, многие страдающие этим недугом не сообщают врачам о своих странных

видениях, опасаясь, что их сочтут сумасшедшими или отправят на дополнительное обследование, которое выявит опухоль мозга. Я и сам в первые несколько раз игнорировал мусорную корзину.

Уже вечереет, день пролетел незаметно. С изобретением интернета у нас появился практически неограниченный доступ к информации, знаниям и всякому хламу. Безусловно, он изрядно облегчил мне работу, но, что характерно, никто не стремится за эту работу платить.

В детстве я фантазировал, как захожу в большой магазин грампластинок на Оксфорд-стрит, набираю целую тележку нужных мне записей и удираю, не заплатив. И, по сути, теперь у меня есть такая возможность. Я могу накачать себе дюжину записей Бетховена, и это займет меньше времени, чем прогулка до ближайшего магазина; могу, сидя дома, смотреть свой любимый фильм в арабском дубляже. Но то же самое могут и все остальные. Абсолютно бесплатно. Это к вопросу о «надо быть осторожнее со своими желаниями». В интернете есть все и задаром, что не может не радовать творческого человека, но творческому человеку приходится попотеть, чтобы честным трудом заработать хоть что-то.

Может быть, предложить Джо'ну документалку о синдроме Бонне? Насколько ему приглянется такая тема? Без спецэффектов, наверное, не прокатит. Очень интересно, но зритель вряд ли сочтет увлекательным путаные объяснения старых пердунов, как они наблюдают у себя в гостиной племя охотников за головами, жарящих на кострах сэндвичи с сыром. Для архива сойдет, но не для безотлагательного эфира, если только мы не затеем сериал о пожилых людях и их проблемах.

Сегодня солнечно и довольно тепло, я решаю устроить пробежку вдоль Темзы. Лондон: здесь грабят и убивают людей с пятидесятого года до нашей эры.

В этой части Воксхолла почти безлюдно, туристы только еще начинают роиться на площади у Вестминстерского дворца. С удивлением понимаю, что чувствую себя хорошо. Небольшая поправка: я себя чувствую великолепно, и умри все живое.

В детстве я был убежден, что, когда вырасту и добьюсь оглушительного успеха, я стану выходить на пробежки вдоль Темзы исключительно по той причине, что буду жить в собственном особняке в центре города. Хотя в мечтах мне всегда

представлялось, что я буду бегать на северном берегу. Как уроженцу Южного Лондона, мне не очень приятно это признавать, но все деньги и плюшки сосредоточены уж никак не на нашей стороне реки. Мы жестче характером, и наши преступники всяко поинтереснее – а ведь столько еще не поймали, – но настоящие деньги всегда крутились на другом берегу. Если уж красть, то с размахом.

Хотя все меняется. Еще лет двадцать назад Воксхолл обладал очарованием заброшенной автостоянки, где работали единственный индийский ресторан – кстати, паршивый – и одинокий бар для транссексуалов. Теперь здесь находится штаб-квартира МИ-6[2 - Секретная разведывательная служба МИД Великобритании.], открылись гей-сауны и элитные клубы для любителей садомазо, а также несколько очень приличных дешевых едален. Американцы строят у нас новое здание посольства. Воксхолл всегда будет дырой, странной помесью автострады с железнодорожным вокзалом, но он потихоньку становится модной дырой.

Изредка ты получаешь, что хочешь, но это всегда происходит не так, как тебе представлялось, потому что ты не учел всех деталей, когда формулировал свое желание, или просто потому, что Дозволитель такого не позволяет.

Я совершаю пробежку вдоль Темзы вовсе не потому, что вдруг сделался большим боссом, а потому, что живу в чужом доме в пяти минутах ходьбы от набережной. Я телережиссер, но я стал режиссером в такое время, когда быть режиссером на телевидении с точки зрения оплаты труда столь же заманчиво и перспективно, как расставлять товары на полках в супермаркете. «В молодости ты стремишься покорить мир. И это правильно. Так и должно быть, – частенько говаривал Херби. – Но мир тебе не покорится, а если даже и покорится... Ну, правишь ты миром, и что с того?»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Домработница, проживающая в доме хозяев (фр.).

2

Секретная разведывательная служба МИД Великобритании.

----

Купить: [https://tellnovel.com/fisher\\_tibor/kak-pravit-mirom](https://tellnovel.com/fisher_tibor/kak-pravit-mirom)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)